

Эвелин Уэллс

Нефертити. Повелительница Двух Земель

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613425

Нефертити. Повелительница Двух Земель: Центрполиграф; М.; 2004

ISBN 978-5-9524-2648-1

Аннотация

Эта книга – всесторонний рассказ о царице Египта, жившей во втором тысячелетии до н. э., верной последовательнице новой религии и вдохновительнице искусства Нового Царства. Зримо и ярко повествуется о деятельности фараона-реформатора Эхнатона и всех аспектах общественной жизни того времени. Немало интересного читатели узнают о секретах обольщения, известных египетским красавицам, религиозных обрядах, тайнах дипломатии и дворцовых интригах.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эвелин Уэллс

Нефертити. Повелительница Двух Земель

Глава 1

ЕГИПЕТ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Тель-эль-Амарна, 1912 год н. э.

Открытие было сделано вскоре после полудня 6 декабря 1912 г. на месте давно исчезнувшего города Амарны, находившегося между Мемфисом и Фивами в Среднем Египте. После обеда, состоявшего из хлеба и фиников, возобновились раскопки на улице Скульпторов, где феллахи под ритмичное пение поднимали и опускали кирки и лопаты.

Но профессор Людвиг Борхард был все еще погружен в глубокий послеполуденный сон в своей хижине, притулившейся на краю котлована. Это был маленький человечек с массивной головой, покрытой копной волос, с которой он даже и не пытался справиться. Он был одним из лучших археологов, когда-либо проводивших раскопки в Египте, руководителем немецкой экспедиции, известной как Немецко-восточное направление, которая вот уже два года вела раскопки в Амарне.

В течение трех тысячелетий не было никаких сведений об Амарне и ее истории. Сохранялась лишь легенда о величественном городе, когда-то стоявшем на берегу Нила, однако никто не знал ни где он находился, ни почему возник, словно мираж, между двумя пустынями, ни каким образом таинственно исчез.

В начале XIX века, на пустынной полосе темно-желтых песков, защищенной с востока полукругом неприступных холмов, а с запада – рекой, феллахи из близлежащей деревни Эль-Амариех начали находить фрагменты неизвестных глиняных, с удивительным искусством вылепленных статуэток и построенные из нильского необожженного кирпича стены зданий. Место это, по имени близлежащей деревни, стали называть Тель-эль-Амарной, а позже – просто Амарной.

В XIX веке сюда на верблюдах приезжали туристы, чтобы собрать мелкие, но изысканные обломки стеклянных, глиняных и фаянсовых изделий и статуэток из расположенных рядом захоронений, картуши, каменные и глиняные таблички, покрытые письменами, которые никто не мог прочесть. Все они были образцами искусства неизвестного периода египетской истории. С этими рассеявшимися по миру сувенирами была утрачена большая часть истории Амарны.

На некоторых из этих предметов были написаны имена царя и царицы, о которых не упоминалось в египетской истории. Их имена интриговали: Эхнатон и Нефертити. О них ничего не было известно, за исключением того места, где они, вероятно, жили.

И все же охота за сувенирами сыграла и положительную роль. Она привлекла к этому месту внимание археологов. В те времена археология была новой наукой, а Египет – идеальным местом для подобных исследований. Теплый сухой климат и пески сохранили произведения древнего искусства.

Катализатором, способствовавшим открытию Амарны, послужил многогранный гений Александра фон Гумбольдта, уроженца Германии, который снискал славу не только в качестве натуралиста, путешественника, государственного деятеля, но и переводчика (последователя Шампольона, «отца египтологии») египетских иероглифов. В конце своей длинной, насыщенной событиями жизни он узнал об открытиях, сделанных в Амарне, и убедил короля

Пруссии Фридриха Вильгельма IV послать в это место экспедицию. Возглавил ее блестящий молодой ученый и друг Гумбольдта Рихард Лепсиус, ставший великим немецким археологом.

Немецкая группа начала раскопки в 1843 году. Трехлетние поиски привели к обнаружению когда-то огромного города, о котором ничего не было известно, хотя он был одним из величайших городов Древнего мира. Сохранившиеся на равнине фундаменты помогли установить, что некогда здесь были храмы, дворцы, общественные здания и великолепные виллы, прекраснейшие из когда-либо возведенных в Египте. Надгробные обелиски, надписи и мемориальные доски свидетельствовали, что когда-то, еще в те времена, когда страна была одной из величайших империй мира, здесь был город Солнца, столица Египта. Он был построен в XIV столетии до Рождества Христова величайшим религиозным реформатором, называвшим себя царем Эхнатом, жена которого, по сохранившимся фрагментам описаний, была признана красивейшей из женщин.

Так среди пустыни родилась легенда о царице, чьи красота, ум и привлекательность сделали ее самой известной женщиной своего времени. Однако никто не знал ни как она выглядела, ни каким образом протекала ее жизнь.

Имена царицы и ее мужа были вычеркнуты из списка египетских царей. Эхнатон упоминается лишь однажды, в документах девятнадцатой династии, непосредственно за ними следовавшей, и то лишь в качестве «преступника из Амарны».

Все открытия свидетельствовали о том, что Амарна была построена именно этими мужчиной и женщиной, и исключительно для себя. Найденные фрагменты изображают отдельные части их лиц и тел: ухо, кисть, палец ступни, его четко очерченный рот фаната, ее возбуждающие губы, ее изящный торс, нос, грудь, вырезанные из камня. Что же случилось, почему памятники, скульптуры и надгробия были вдребезги разбиты, а имена Эхнатона и Нефертити на века вычеркнуты из истории?

Город Амарна не был разрушен временем. Он не разрушался постепенно, как случилось с большинством из исчезнувших городов. Конечно, построенные из необожженного кирпича стены за долгие годы пострадали от действия песков, но вначале, как установили раскопки, город был снесен с лица земли.

Не природные бедствия, а жестокость людей привела к почти полному уничтожению когда-то великого города.

Амарна была построена – и бессмысленно разрушена – всего за каких-то двадцать лет!

Подобному вандализму не было объяснений. Богатейший, с высочайшей культурой, прекраснейший город мира был разрушен до основания почти сразу после постройки. Никто не знал, что за люди были Эхнатон и Нефертити и почему неизвестные враги постарались уничтожить все свидетельства существования как их самих, так и их города. В городе жили тысячи людей. Что с ними произошло?

Развалины Амарны не походили на развалины других древних городов. Последние в большинстве случаев состояли из нескольких уровней: по мере того как они уходили в землю, на их месте вырастали новые постройки. В Амарне был только один уровень. Его крепкие цементные фундаменты заливались в песок почти так же, как это делается в наши дни, а на их основе был возведен сказочный, уникальный город.

Группа Лепсиуса отослала свои находки в Берлин. Интерес к мистически исчезнувшему царю и его прекрасной жене нарастал. Однако слишком многое было похищено охотниками за сувенирами. Покои с низкими потолками и гробницы в скалах близлежащих холмов были полностью разграблены. Немецкая группа решила, что Амарна пострадала безнадежно, что они не найдут ничего ценного, и покинула город.

На территории Египта делалось множество археологических открытий, другие места сулили сокровища, и вскоре Амарна была забыта.

Однако имя Нефертити не стерлось из памяти людей. Прекрасная исчезнувшая царица оставалась самой пленительной тайной Древнего Египта.

В 1887 году одна египтянка (Леонард Коттрелл и некоторые другие исследователи считают, что это была женщина) из близлежащей деревни, решив накопать удобрений в одном из найденных археологами помещений, наткнулась на склад прогнивших деревянных сундуков. Их гипсовые крышки отвалились, и в течение длительного времени никто не знал, что на этих крышках стояли имена царя Эхнатона и его знаменитого отца Аменхотепа III.

Сундуки были заполнены исписанными глиняными табличками, но ни сама женщина, ни те, кому она их показывала, не разобрали иероглифов и не могли догадаться о том, что на них были нанесены имена двух царей.

Женщина была необразованной крестьянкой, однако все египтяне знают, что предметы старины могут обладать большой ценностью. Поэтому она запихнула глиняные таблички в мешки (таким образом многие из них повредились) и привезла в деревню. В Эль-Амари-е, руководствуясь принципом, что чем больше кусков, тем больше денег, многие из более крупных табличек она разломала на мелкие куски, что сделало их практически недоступными для расшифровки.

Затем находки были доставлены в находящееся под французским контролем Управление раскопками и древностями Каирского музея, где специалисты не придали им большого значения. В то время со всего Египта в музей стекалось так много красивейших и ценнейших находок, что в этом бесконечном потоке никто не заметил достоинств обычных табличек из нильской грязи, покрытых мелкими, почти стершимися значками, которых никто не знал. Эксперты музея отделались от них, считая подделкой.

Французские антиквары в Париже подтвердили египетское заключение: эти таблички ничего не стоят.

Их обменивали и легкомысленно продавали, считая негодными, а тем временем глина постепенно крошилась. Все оставшиеся за ничтожную сумму купил оптом один делец и возил в мешках по всей стране, продавая в качестве «древних сувениров».

К этому времени специалисты из Каирского музея опомнились и осознали, что у них между пальцами просочилось одно из величайших литературных сокровищ всех времен, и предприняли шаги, чтобы собрать таблички и вернуть обратно. Однако многие из них были уже проданы, украдены или разрушены. Вместе с ними была утеряна большая часть истории Амарны, Нефертити и Эхнатона.

Их осталось всего лишь 377. 60 были удержаны Египтом, 180 отправлены в Берлинский музей, а остальные – в Британский музей.

Это все, что осталось от знаменитых амарнских писем, большую часть которых составляли письма царю Эхнатону от царей Ниневии, Вавилона, Ханаана и Митанни во время правления Эхнатона и Нефертити и их пребывания в Амарне.

Попав к экспертам, письма тщательно изучались в течение многих лет. История трагедии, которая обрушилась на Амарну, постепенно прояснялась, вызывая удивление, каким чудом смогли спастись эти хрупкие глиняные таблички.

Возможно, чтобы скрыть царскую переписку, какой-то скромный чиновник рисковал жизнью. Может, это был Ай, бывший царский писарь, в ведении которого находились царские письма, многие из которых были им же и написаны. А может, это была сама Нефертити, стройная и гордая богиня, царица и героиня разыгравшейся ужасной трагедии, которая перед лицом наступающего врага, окруженная рабами, приказала захоронить переписку царя, которого она так любила.

Если это правда, то окончательная победа осталась за ней. Враги были уверены, что стерли с лица земли все следы любящей царской четы. Переведенные таблички вернули к жизни личности великих царя и царицы, а вместе с ними и одну из важнейших эр в истории

Древнего Египта. Насыщенный событиями период истории был восстановлен и дополнен образами давно забытых героев, злодеев, картинами интриг, завоеваний, поражений и разбитых сердец. Теперь мы знаем, что в Амарне жили мужчина и женщина, горячо любившие друг друга, поклонявшиеся красоте и правде, бросившие вызов древним ужасным богам и, ведомые мечтой, покинувшие свой мир.

Таблички были маленькими, сделанными из обожженной глины, по форме и размерам напоминающие современные бисквиты для собак. С обеих сторон они были покрыты мелкими, выполненными вручную письменами. Многие слова были написаны красными чернилами и аккуратно разделены/таким/образом/с/помощью/вертикальных/линий.

На некоторых остались отпечатки пальцев, и, кто знает, может быть, один из них принадлежал Аю?

У египтян не было настоящих историков, эта роль отводилась хранителям документов. Вся история Египта в виде жизнеописания людей содержится в высеченных на камне буквах и изображениях. Выдающиеся подвиги запечатлевались на гробницах. Этим вовсе пользовались цари, записывавшие свои достижения на стенах захоронений. Их хвастовство сохранило большую часть истории Египта.

Ко времени написания амарнских писем письменность в Древнем Египте существовала уже несколько тысячелетий.

Коттрелл назвал письмо «величайшим из всех египетских изобретений». Он и некоторые другие ученые считают, что буквы латинского алфавита, «взятые у римлян, которые позаимствовали их у греков, которые, в свою очередь, получили их от финикийцев, являются упрощенным вариантом более сложного египетского письма». Двадцать шесть букв, которыми сегодня пользуются, «происходят от примитивных пиктограмм, изобретенных жителями дельты Нила около шести тысяч лет назад».

Ранее считалось, что для скорописи использовалась вавилонская клинопись, теперь же впервые стало известно, что дипломатическая переписка Египта времен Нефертити велась на семитско-аккадском диалекте. Ассирийской клинописью были написаны лишь письма царя Митанни.

Пока еще эта информация поддерживала интерес к Амарне, но обнаружение табличек казалось максимумом того, что можно было извлечь из этого места.

Затем, в 1906 году, в каирских антикварных лавках начали появляться прекраснейшие, уникальные предметы из фаянса, мрамора и глины. Они настолько отличались от предметов искусства, ранее найденных в Египте, что опять привлекли внимание немецких археологов, которые пришли к волнующему заключению, что Амарна должна была быть крупным центром утерянного искусства, а построивший ее Эхнатон был Периклом Египта XIV века до н. э.

Под руководством профессора Борхардта была организована немецкая археологическая экспедиция, и с 1910 года начались серьезные раскопки в Амарне. Архитектурный слой был тонким, но содержал удивительные богатства. Так, например, стало понятно, что Амарна была тщательно и с любовью спланирована отличным архитектором; фактически это был первый в мире спроектированный город.

Зима 1912 года была для немцев особенно удачным сезоном. Они сделали невероятные находки. Разрывая улицу Скульпторов, они наткнулись на разрушенные помещения дома скульптора, этой древней сокровищницы. Низкие сломанные стены из необожженного кирпича – вот все, что осталось от студии великого амарнского скульптора Тутмеса. Здесь, под покровительством царя Эхнатона, окруженный талантливыми учениками, Тутмес увековечивал в мраморе, гипсе и известняке своих великих и не очень великих сограждан.

Сама мастерская и открытая площадка рядом с домом (задний двор, куда школа выкидывала свой хлам), явились неистощимым кладезем высокого искусства. Среди других ценных находок там были обнаружены статуя лошади и голова пожилой царицы.

Эта последняя находка была особенно интересна, поскольку древние египтяне питали пристрастие к юности и редко изображали пожилых людей. Как и размеры их тел, сроки их жизни были меньше, чем у нас. Поэтому редкий скульптурный портрет пожилой женщины является особенно важным. На лбу у нее уреус, священная змея, атрибут царской власти. Считается, что это голова очаровательной царицы Тиу, свекрови и близкой подруги Нефертити, созданная во время ее исторического визита в Амарну.

Многие работы явно являются неудачными попытками. Другие – скорее всего, макеты выдающихся скульптур, которые должны были быть установлены в общественных местах Амарны, а позже разрушены врагами Эхнатона и Нефертити. Именно здесь, в мастерской, под слоями гранитной пыли и защитой теплого песка, таким же чудом, как и амарнские письма, сохранились бюсты почтенных горожан, чьи имена упоминались в документах и письмах. Уже знакомые имена были написаны и на бюстах.

Несомненно, эти скульптуры были слеплены с живых людей, на многих из них были подписи в виде иероглифов, причем часть надписей была исправлена черными чернилами рукой мастера Тутмеса. Их подлинность не вызывает никаких сомнений.

Помимо прочего, в доме скульптора были найдены наброски и небольшие модели изысканных похоронных принадлежностей. Этой находке не придавалось значения в течение десяти лет, до тех пор, пока в Фивах не была найдена гробница царя Тутанхатона – в ней оказались модели утвари, сделанной в Амарне и найденной в его захоронении. Захоронение мальчика-царя, изначально планировавшееся в Амарне, является окончательным и самым достоверным свидетельством тех условий жизни, которые существовали во времена Нефертити.

Студия скульптора оказалась неистощимой. Восхищенные немцы одно за другим открывали утраченные лица великих и неизвестных, молодых и среднего возраста мужчин и женщин. Фрагмент за фрагментом изгнанные горожане Амарны возвращались обратно в историю, их лица поднимались из пыли веков. Были найдены осколки головы Эхнатона со странными мягкими, фанатичными чертами лица и не дающие возможность восстановить облик куски скульптуры его любимой жены Нефертити. Однако ни один из них не мог служить полным доказательством ее потрясающей красоты, которая вдохновляла художников и поэтов тридцать веков назад.

Итак, мы находимся в Амарне 6 декабря 1912 года, время – вторая половина дня, после обеда профессор Борхардт спокойно спит на своей койке, и ему снятся удивительные находки – возможно, всем археологам должны сниться сны, что их бесконечное копанье в пыли когда-нибудь увенчается успехом.

Запомните имя их прораба – Мохаммед Ахмес Ес-Сенусси, он первым заметил среди песка золотой отблеск фрагмента цвета человеческой кожи!

Он вскрикнул и поднял руку. Кирки и совки были отложены, рабочие собрались в круг и стали ждать, пока носильщик сбегает за профессором.

Вскоре профессор Борхардт уже мчался вверх по улице Скульпторов на своих коротеньких ножках и через несколько минут влетел на место раскопок. Откидывая с высокого лба прядь густых волос, он упал на колени в том месте, которое указал ему Мохаммед. Чуткими тренированными пальцами, песчинка за песчинкой, задерживая дыхание, профессор смел песок с находящегося в глубине предмета. Именно ради этого момента люди его профессии копают землю, страдают, молятся.

Под легчайшими прикосновениями его рук сначала появилась стройная шея, настолько искусно окрашенная, что казалась живой. Когда последняя песчинка тысячелетиями покры-

вавшего ее песка была сдута, показалась голова, выполненная в натуральную величину и удивительно прекрасная. Это был бюст Нефертити, который впоследствии стал самым известным, самым часто копируемым и восхитительным бюстом самой знаменитой из всех египетских цариц. Через разделявшие их три с половиной тысячи лет ее взгляд сирены встретился с глазами профессора Борхардта. Даже без подтверждающей подписи на постаменте она, казалось, утверждала: «Я – это она, Нефертити, возлюбленная, воплощение красоты».

Созданная из известняка и гипса, перед ними оказалась голова прекрасной женщины, обладавшей спокойным достоинством царицы. Голова под короной со священной змеей, свидетельством ее принадлежности к царскому роду, гордо возвышалась над шеей, напоминая стебель лотоса. Из-под накрашенных бровей смотрели большие, прозрачные и вопрошающие глаза сирены. Совершенное лицо было окрашено в цвет золотистого персика с добавлением белой извести и красного мела. Один глаз Нефертити отсутствовал. Другой был сделан из горного хрусталя, окрашенного в темно-коричневый цвет.

В течение некоторого времени исследователей обуревали ужасные сомнения: не могло ли быть так, что у царицы, считавшейся самой прекрасной в истории Египта, был только один глаз? У бюста также отсутствовали (да так никогда и не были найдены) уши, которые, видимо, обломились под тяжестью богато украшенных серег.

Профессор Борхардт пришел к заключению, что бюст являлся лишь первоначальным вариантом, а недостающий глаз просто не стали вставлять. Был ли он моделью окончательной скульптуры, которая украсила один из дворцов Амарны? И если это так, то, возможно, ее уничтожили враги вместе со всем остальным, что принадлежало Нефертити? Или бюст все еще где-то лежит, скрытый от нас египетскими песками?

Впоследствии предметы искусства, найденные в Амарне, как и сам бюст, будут широко воспроизводиться и продаваться. Большое золотое ожерелье Нефертити напоминало воротник и было украшено множеством драгоценных камней. Связующие звенья в форме лепестков говорили о ее широко известной любви к цветам. Голубой головной убор являлся ее личной царской короной. Расширяясь назад от изящно очерченного лица, он был украшен драгоценными камнями, с изображением священной змеи посередине – эмблемы высшей власти, а сзади, неожиданно и по-девичьи, был перевязан веселыми красными ленточками.

Маленькая головка под головным убором могла быть обритой. В Египте и мужчины и женщины для удобства предпочитали брить головы, а появляясь в обществе, надевали парики. Известно, что их носила и Нефертити. На скульптурной голове, найденной в Амарне, линия волос отсутствует, не нарушая классических черт лица и черепа.

Перед значимостью этой новой находки померкло даже потрясение от дома скульптора. Профессор Борхардт и его помощники знали, что это открытие прольет свет на ту область истории, которая пребывала во тьме в течение тысячелетий. Но знали они и другое – все археологические находки в Египте являются собственностью египетского правительства, а они лишь проводили раскопки с разрешения Египетской службы древностей, которая находилась в ведении французов.

Следовательно, бюст Нефертити принадлежал Египту.

Однако всем правительствам было известно, что археологи вкладывают в раскопки деньги только при условии, что им будет разрешено получить определенную долю находок. Ранее в Египте и других странах, где проводились исследования, было решено, что определенный процент от всего найденного должен принадлежать самим археологам. На ранних стадиях развития археологии тонкий вопрос о том, что кому должно было достаться, определялся с помощью простейшего метода – путем подбрасывания монетки.

В надежде на открытие немцы проводили тщательные раскопки в течение двух лет. Невозможно поверить, что в этот солнечный декабрьский полдень в Амарне профессор Бор-

хардт, поднимавший дрожащими руками бюст, не осознавал, что сделал величайшее археологическое открытие всех времен, и не надеялся увезти его в Германию.

Позже немецкие археологи утверждали, что, когда бюст был найден, он был покрыт пятнами и разломан на две половины. Поэтому сразу было трудно определить, что это был первый подлинный портрет царицы Нефертити.

На их счастье, той же зимой в Амарне была сделана еще одна потрясающая находка: изумительное изображение Эхнатона, Нефертити и их троих детей под благотворными лучами бога солнца Атона.

В конце сезона раскопок в Амарне, когда Борхардт и его группа представили свои находки египетским властям для окончательного отбора, обе стороны согласились с равной значимостью бюста и группового портрета. По словам Борхардта, 20 января 1913 года, через месяц после обнаружения бюста, было принято окончательное решение по поводу того, какая из двух находок должна остаться в Египте.

Месье Лефевр из подконтрольной французскому правительству Службы древностей лично осмотрел находки и решил, что групповой портрет имеет большую ценность. Он был направлен в Каирский музей, в то время как бюст Нефертити с «потрясающей скоростью» был отправлен в Берлин.

О прибытии бюста в Берлинский музей в печати почти не сообщалось. Однако египтяне начали протестовать.

В то время генеральным английским консулом в Каире был не кто иной, как лорд Китчер, преследователь «китайского» Гордона в Хартуме. По его мнению, все египетские сокровища должны были храниться в Египте или, возможно, в Британском музее.

Он с возмущением задавал вопрос: почему бюст Нефертити разрешили вывезти в Германию?

Египтяне с опозданием осознали, что, потеряв большую часть амарнских писем, они упустили и самую прекрасную из сделанных в Амарне находок. Египет негодовал, каирские власти волновались, Берлин протестовал. Мировая пресса сообщала о ходе дебатов, отчеты о ведении непримиримой борьбы занимали первые полосы газет.

Руководство Берлинского музея защищало свои права на Нефертити. В качестве аргумента они выдвигали тот факт, что профессор Борхардт и его помощники, прежде чем найти бюст, годами работали в Египте, что в момент заключения соглашения ни одна из сторон не подозревала о ценности находки и музей располагает всеми документами, доказывающими, что бюст достался немцам по справедливости и был добровольно отдан им египетскими властями.

Разгоревшиеся страсти сделали бюст Нефертити самым известным из экспонатов Берлинского музея. В Европе развернулось народное движение, требовавшее вернуть Нефертити в Египет, а в центре этой бури находилась прекрасная, маленькая, высоко поднятая головка, увенчанная короной, еще раз ставшая предметом раздоров.

Профессор Борхардт стремился вернуться в Египет, чтобы продолжить раскопки, и молил египетские власти о разрешении. Ему было отказано.

«Верните бюст нашей царицы в Египет, – заявили каирские власти Германии, – и мы с радостью позволим вам продолжить раскопки в Амарне».

Берлин отказался. Каир сделал еще одно предложение.

«Верните нашу Нефертити, – просили египетские власти, – и мы не только гарантируем немецким ученым право проводить раскопки в Амарне, но в качестве дополнительной награды пришлем в Берлин две редкие статуи египетских фараонов!»

Немецкие газеты разразились насмешливыми заголовками: «Стоят ли два царя одной царицы?»

Считается, что именно вследствие этого отказа немецкие археологи были лишены прав на раскопки в Египте, а вскоре начавшаяся Первая мировая война положила конец всем спорам, а также, на время, и всем раскопкам в Амарне.

Печаль Египта по поводу потери была смягчена новыми находками в Амарне. Кучи мусора за чертой города, которые явно служили «местом для отбросов из великого дворца», стали нескончаемым источником сокровищ: глиняной и стеклянной посуды, колец с оттисками имен царей и того, что так и не нашло своего объяснения, – человеческих костей.

В куче мусора рядом с большим храмом Атона была найдена предположительно посмертная маска царя Эхнатона. Она явно была изготовлена после смерти, поскольку ноздри царя не имеют отверстий, а глаза полузакрыты. Матерчатая повязка вокруг лба предохраняла волосы от попадания гипса. Маску не отличала удлиненная челюсть, неоднократно подчеркивавшаяся во многих карикатурных портретах Эхнатона. Это неподвижное после смерти, трагическое и жесткое лицо создает впечатление хорошего, но очень одинокого человека.

Каирский музей не лишился Нефертити. В ходе раскопок было найдено множество изображающих ее рисунков, и, самое важное, в Амарне был найден еще один ее бюст. Как и первый, он являлся эскизом, по какой-то причине не законченным скульптором, но, будучи законченным, он превзошел бы первый портрет по мастерству. На нем черты лица выглядят более классическими, шея – полней, выражение лица более теплое. Как и на всех других портретах, царственная голова высоко поднята. И если надеть на нее головной убор, она будет значительно прекраснее, чем голова, хранящаяся в Берлине.

Однако именно первый бюст послужил признанию великой и легендарной эпохи, восстановил изгнанных царя и царицу, вернув им их законное место в истории.

Из других частей Египта начали поступать сообщения о находках, которые помогали лучше понять историю и характеры Эхнатона и Нефертити. Находилось все больше свидетельств существования города Солнца, и в этом значительно помог Асуан. Обнаружение гробниц в Фивах, особенно царя Тутанхатона, царя Аменхотепа III, писца Ая и его жены, позволили установить факты, которые веками считались прекрасной легендой.

Эта книга и является попыткой восстановить биографию женщины, умершей тридцать четыре века назад.

Эксперты не всегда приходят к единому мнению. Многие вопросы остаются открытыми. Постоянно делаются новые открытия, опровергающие то, что прежде казалось несомненным. Спорят не только об именах, спорят даже о датах правления отдельных династий, хотя и относящихся к ограниченному промежутку времени.

Нам остается лишь полагаться на мнение наиболее уважаемых авторитетов, надеяться, что их не опровергнут последние открытия, и начать историю со слов «это могло быть...» или «возможно...».

И все же мы немало знаем о Нефертити.

В своей книге «Раскопки прошлого» сэр Леонард Були пишет, что археологам удалось восстановить историю Египта с поразительной точностью.

«Я думаю, – замечает он, – что мы больше знаем о жизни древних египтян в XIV веке до н. э., чем об Англии в XIV веке после Рождества Христова».

Именно в том веке и жила Нефертити.

Древние документы, предметы искусства, записи на папирусе, глиняных и каменных табличках, статуи, скульптуры и стелы, стены и гробницы послужили восстановлению истории женщины, чье лицо хорошо известно всему миру. После Борхардта многие известные археологи тщательно и неоднократно обыскивали пески Амарны. Сэр Флиндерс Петри, Говард Картер, Джон Пендлбари, Томас Пит, Генри Франкфорт и Леонард Були – все по очереди вносили свой вклад в выяснение истории Нефертити и ее прекрасного города.

Благодаря их находкам мы знаем, в какие игры она играла, какие песни любила, какие предпочитала платья, украшения, цветы, духи, пищу и вино. Знаем, в каких дворцах она жила. Мы знаем о древних Фивах и Амарне, ее городе, который был таким же выдающимся и прекрасным, как и сама Нефертити.

Мы знаем, что она была любима, мы прочли множество вырезанных на камне поэтических строк, подобных тем, что были посвящены ей Эхнатом, ее возлюбленным, который был одновременно поэтом, жрецом и царем:

...великая царская жена, его возлюбленная,
Повелительница Двух Земель
Нефернеферуатон (Прекрасная, красота Атона)
Нефертити!
Живи и процветай вечно.

Но она была больше чем поэтический образ. Она вошла в историю в блеске великой любви и великой судьбы. Она была самой могущественной императрицей мира. Она страдала, боролась, потворствовала, но никогда не прекращала играть в ту опасную и нескончаемую игру, в которой принцессы и цари являлись пешками в отчаянной борьбе за владение Египтом. Она олицетворяла свою страну более, чем любая другая египетская царица. Чтобы понять Нефертити – нужно понять Египет того времени, в котором она жила.

Глава 2 ДВОЕ ДЕТЕЙ ИЗ ФИВ

Во дворце, 1372 год до н. э.

В те времена, когда Фивы «стовратные» были столицей Египта, то есть приблизительно в 1372 году до н. э., в Фиванском дворце на берегу Нила, как брат и сестра, подрастали двое детей.

Мы считаем, что в тот год Нефертити исполнилось одиннадцать. К этому времени судьба ее была уже предрешена, поскольку она была лучшей подругой двенадцатилетнего принца, являвшегося надеждой всего Египта. Это был Аменхотеп IV, названный так в честь своего отца, но мы будем называть его именем, которое он сам для себя выбрал, – Эхнатон.

Он был единственным отпрыском мужского пола одной из самых могущественных семей мира. То были времена Египетской империи, правление восемнадцатой династии в период наивысшего ее расцвета, самой богатой, культурной и могущественной из тех, что некогда правили в Египте. Мальчик был потомком агрессивных царей, которые расширили границы и сплотили Египет, превратив его в величайшую империю мира. Как первый и единственный сын царя Аменхотепа и царицы Тиу, он вскоре должен был быть призван к правлению Египтом.

Узколицый и узкоплечий, он был способен к фанатической концентрации. Мы знаем также, что с ранних лет его горячая привязанность была обращена на стройную девочку Нефертити с золотистой кожей.

Теперь у нас есть подтверждение легендарной красоты Нефертити. Наверное, в детстве она была очаровательным ребенком. Ее описывают как нежную, умненькую, грациозную девочку с веселым характером. Однако, помимо необычайной красоты, она должна была обладать и множеством других качеств, чтобы завоевать любовь молодого принца Эхнатона и одобрение его матери, царицы Тиу, обладавшей весьма сильным характером.

В те времена Нефертити была счастливым, юным, но уже очаровательно женственным созданием. Как все египетские дети, она носила длинную прядь волос на лбу, кокетливо свернутую в завиток над правым ухом, и искусно сделанные детские украшения: браслеты, кольца и ожерелья из золотых и серебряных бусин, окрашенных семян и множество мелких амулетов с изображениями богов. Обычно она ходила босиком или носила маленькие сандалии. Она могла носить одинарное, почти прозрачное одеяние из лучшей, тончайшей ткани, вручную сплетенной из египетского льняного волокна, но большую часть времени она ходила обнаженной, даже в присутствии царей.

Появление в обнаженном виде считалась вполне нравственным и естественным в жарком климате Египта, так ходили все дети и даже взрослые.

У нее должно было быть множество игрушек: тряпичные куклы, деревянные куклы с нарисованными лицами и подвижными руками и ногами, которых она могла нянчить, и мебель для них; попрыгунчики, марионетки и деревянные животные, состоящие из нескольких частей, которые изгибались, когда она везла их по крашеным полам дворца. Вместе с царским сыном она могла играть в подвижные игры: бегать наперегонки, прыгать или играть в игру, напоминающую современные шахматы, с забавными маленькими фигурками, хранившимися в резной коробочке из слоновой кости.

У обоих было множество подаренных им мелких статуэток. Такие статуэтки были у всех египетских детей. Они могли изображать богов или священных животных. Археологи нашли фигурки, принадлежавшие в детстве Эхнатону. Другие игрушки того же времени, но

изготовленные позже – лев, олень, птицы, змеи, лягушки, рыбы, скорпионы, скарабеи и даже мухи, – были найдены в гробнице мальчика-царя Тутанхатона.

Эхнатон и Нефертити играли в больших, великолепно обставленных комнатах огромного дворца и окружающих его садах, спускавшихся к Нилу. Египетских детей никогда не исключали из жизни семьи, поэтому у Эхнатона были свои хоть и мелкие, но важные обязанности в церемониальных обрядах, являвшихся обычной частью жизни царской семьи. В обязанности Нефертити входило наблюдать за всем происходящим и находиться поблизости от царственной, но дружелюбной особы – царицы Тиу. Благодаря жизнерадостности царицы атмосфера во дворце была легкой, а поскольку египтяне уделяли много внимания детям, мы можем быть уверены, что ранние годы Нефертити и Эхнатона прошли счастливо.

Куда бы ни пошли эти двое, их сопровождала небольшая преданная свита. Мальчиком руководил Ай, жена которого, Тиу, «великая царская няня», была в ответе за маленькую девочку.

Они были окружены животными. Невозможно понять древних египтян, не поняв их отношения к животным, которые являлись для них продолжением людей и богов. Многие животные считались священными, с ними можно было играть, иногда – заставлять их работать (и даже есть), но им необходимо было оказывать уважение, поскольку они принадлежали к богам. Кошки были олицетворением богини Бает. То, что они жили во дворце и ловили мышей, являлось честью даже для царской семьи, их особенно любили за грацию и очарование. (Обычно кошек называли Миу, а овец – Баа.)

Несколькими веками позже Геродот писал: «Египтяне дадут сгореть своему дому, но непременно спасут кошку».

Что касается собак, то они были не только животным Анубиса, бога кладбищ, но с давних времен считались почетными членами семьи. У них были собственные имена, в которых отражалась лестное и любящее отношение хозяев, они носили красивые ошейники и по ночам спали в постели хозяйки.

Вероятно, все собаки произошли от одного общего предка. Но к тому времени уже было выведено несколько особенно популярных пород. Одной из них были гончие. Надев на псов широкие защитные ошейники и поводки, хозяева брали их на охоту. Другой породой были крупные, свирепые собаки, обученные защищать своих хозяев на войне. Третьи были похожи на бассетов и грейхаундов (теперь мы называем их салуки). Предполагается, что они являются близкими родственниками шакалов, мусорщиков пустыни. Но самыми любимыми были мелкие, коротконогие собачки, напоминавшие уэльских корги.

Породистые собаки, как и их хозяева, рождались для великой судьбы. О других собаках заботились меньше, их использовали для работы. У фермеров, например, они охраняли урожай и домашних животных, а в просторных кухнях дворцов и богатых домов собаки-слуги терпеливо вращали вертела с жарившимся мясом, до которого не смели дотронуться.

Тем не менее ко всем собакам относились с уважением. Дикие собаки пустыни бегали по улицам, и никто их не прогонял. Умерших собак и других домашних животных мумифицировали, чтобы впоследствии они смогли разделить судьбу своих хозяев. Существовали даже кладбища для кошек и собак. В египетских гробницах было найдено множество мумифицированных кошек, собак и птиц. На стенах гробниц описывались их добродетели, неизменно воздавалась хвала за преданность и охрану хозяина при жизни и после смерти.

Нарисованные на внешних дверях образы черных собак использовались в качестве дополнительной защиты захоронений, там же высекали обращенные к собаке молитвы. В Египте у собак был даже собственный город – Цинополь, «город собак».

В одной из могил было найдено хвастливое заявление: «Я заботился об ибисах, коршунах, священных кошках и собаках, похоронил их в соответствии с ритуалом, обмазав маслами и завернув в ткань».

Охраняемые своими свитами из людей и животных и имеющие полную свободу передвижения, принц и его юная подруга всю жизнь наслаждались удовольствиями великого дворца и великого города. Они принимали участие в придворных развлечениях, изучали ритуалы, которые позже им предстояло исполнять в великом соборе Амона на противоположной стороне реки, катались на колесницах с царственными родителями по узким улочкам Фив – города, переполненного людьми и богами. А вокруг Фив, куда ни глянь, простиралась огромная Египетская империя, которая будет им принадлежать после того, как они покинут спокойный мир своего детства.

Счастливейшие часы они могли проводить в дворцовых садах. (Все египтяне любили сады, созданные для красоты, любви и удовольствия и для тех удачливых стариков, которые могли наслаждаться бездельем.) Им принадлежал великолепный дворцовый парк, за которым заботливо ухаживала армия садовников, слуг и рабов под руководством внушительного главного садовника. Посреди парка был выкопан пруд, окруженный фиговыми деревьями и финиковыми пальмами, а также редкими деревьями, кустарниками и цветами из заморских стран. Детей забавляли ужимки обезьян и бабуинов на деревьях, страусы, жирафы и другие удивительные животные, которые являлись частью дани, посылаемой отцу Эхнатона неграми Кордофана. Страусов держали в клетках, так как они могли быть опасны, так же как и львов, чей рев перекрывался лишь мычанием гиппопотамов, живших в пруду, где огромные неуклюжие животные занимались своими исполинскими играми.

Другим излюбленным местом развлечения был Нил.

У детей были свои собственные маленькие, сплетенные из камыша декоративные лодочки. Плавая среди зарослей папируса, вооруженные детскими шестами, сетями и гарпунами, они наполняли корзины рыбой, которой было столько, что вода в реке казалась серебряной. С луками, стрелами и бумерангами они охотились на уток и другую водную дичь, тучи которой, поднимаясь из тростника, закрывали солнце над Нилом.

Воистину, они росли в неприкосновенном раю.

У мальчика были игрушечные рогатки, подобные тем, что брали с собой в битву солдаты его отца. Однако если зарядить их свинцовыми пулями, они могли убить и человека, но он стрелял лишь комочками глины в птиц. Его царственный отец, дед и другие предки были отличными лучниками и охотниками, но Эхнатон никогда не отличался на спортивном поприще.

Он был задумчивым, мягким и нежным мальчиком.

Он мог бы стать и таким мужчиной.

Берега Нила, где они играли, зеленели похожими на перья листьями папируса, который в наше время почти исчез. Река текла зеленой лентой через находившиеся в Верхнем Египте Фивы и дальше, через сердце Египта, на север, или в Нижний Египет.

По обеим сторонам ее простиралось царство, которое этим двоим суждено было унаследовать.

Египтяне называли Египет «Томери», что означало «любимая страна».

Для египтян вся жизнь заключалась в Египте. Были ли другие земли так же безопасны, культурны и цивилизованны? Они об этом не знали. Они ничего не знали о других цивилизациях, таких, как Китай и Индия, медленно развивавшихся на Среднем Востоке.

Их длинная и узкая страна, с обеих сторон ограниченная пустыней, была колыбелью первой цивилизации.

В наше время существует новая и постепенно набирающая силу теория, что именно Египет был тем первым (или одним из первых) садом Эдема, где доисторический человек впервые поднялся на свои волосатые ноги. Позже эти люди начали строить хижины из тростника, смешанного с илом, делать топоры из камня и обрабатывать землю деревянными орудиями.

В целях безопасности семьи начали жить вместе, а хижины стали строить группами, засеивали поля, одомашнивали скот, появились поселения, члены которых занимались сельским хозяйством. Так на берегах Нила родилась цивилизация.

Это случилось в период неолита, за четыре-пять веков до рождения Христа.

В «Кузнице цивилизации» Леонард Коттрелл писал, что до четвертого тысячелетия до н. э. цивилизации просто не существовало. «Восемью веками позже одна из них зародилась в Египте... а еще через пятьсот лет другая, шумерская, цивилизация – в Нижней Месопотамии».

Две эти долинные цивилизации развивались независимо друг от друга. В обеих правили цари, их подданные поклонялись многим богам, занимались сельским хозяйством, изобрели алфавит и письмо, научились использовать металлы и строить корабли. Египет был более сильным и стабильным. До восемнадцатой династии его ни разу не завоевывали, тогда как шумерам, Акадии и Вавилону нередко досаждали враги.

Теперь, во времена детства Нефертити и Эхнатона, династический Египет достиг безопасности, процветания и достатка, которыми ему не суждено было наслаждаться впоследствии. Культурный скачок из каменного века был настолько велик, что он явился одним из самых удивительных событий в развитии человечества. Фактически древние египтяне значительно дальше отстояли тогда от каменного века, чем мы сегодняшние – от их времени.

Их эрой была империя. Жизнь в ней текла по накатанной колее, как и в предшествующее тысячелетие.

Плодородная земля интенсивно культивировалась. Насколько хватало глаз, вверх и вниз по реке тянулись поля, засеянные пшеницей, ячменем и другими зерновыми культурами, фруктовые сады и огороды, за которыми ухаживали рабочие, пользовавшиеся деревянными инструментами. Все посадки орошались каналами, проведенными от Нила.

С помощью кос, теперь уже обитых медью, косцы убирали зерновые, из которых готовили хлеб, и ячмень, из которого варили пиво. Собирали папирус, чтобы сделать из него бумагу. Коз и овец выращивали на мясо и шерсть; в такой жаркой стране, как Египет, носили довольно мало шерстяной одежды, поэтому в основном шерсть использовали для набивания матрасов, подушек и плетения драпировок на стены. Обширные территории были засеяны льном, из него делали прохладные, простые, состоящие из одного куска ткани одежды, которые носили все.

Духовенство, знать и царь имели свои клейма, которыми клеймили принадлежавший им крупный и мелкий рогатый скот. У них были стада овец, коз и свиней, а также мясники, забивавшие их для обеда или жертвоприношения.

Страна все еще была сельскохозяйственной, но неолитические фермерские сообщества уже превратились в города, и величайшим из них были Фивы. Они были столицей Египта, а Египет был ведущей державой мира.

Благодаря энергии предшественников Эхнатона Египет превратился в сильнейшее государство. Как центр международной торговли, он был открыт для всех культур, все окружающие земли платили ему дань и почитали его. Он простирался от Евфрата в Северной Сирии до Судана на юге.

Двое наших детей мало знали о землях, лежащих за пределами их собственных. Они слышали о Нубии, где отцу Эхнатона пришлось наказывать враждовавшие племена, когда мальчику исполнился год, и о Пунте на юге, откуда привозили любимые духи Нефертити и фимиам, окулировавший их головы, когда они участвовали в богослужении вместе с царской семьей в великом храме Амона. Они знали, что где-то «ниже» по Нилу, к северу, существовал Нижний Египет и города не менее великие, чем Фивы, называвшиеся Мемфис и Гелиополь, они знали о великих пирамидах на севере. Они знали, что дальше лежит Средиземное море и остров со странным названием Крит; к северо-востоку, в Месопотамии,

находилась Митанни, откуда происходили прекрасные принцессы, а к западу располагалось таинственное Зеленое море (Атлантика), которое, как всем было известно, было водной границей земли. Там мир кончался.

Двое фиванских детей могли слышать рассказы и о других городах. Они знали о Вавилоне, Ниневии и Тире (все – обреченные на разрушение, как в свое время и Фивы). Они могли слышать про маленький, но важный окруженный стеной торговый пост, на месте которого четыре века спустя царь Давид заложит город и назовет его Иерусалимом.

Но ни один город не мог сравниться с Фивами.

Когда-то их превосходил Мемфис на севере, но он потерял свою силу. Теперь, вот уже шестьсот лет, столицей Египта были Фивы, крупнейший и богатейший город в мире, центр мировой власти.

Это был первый крупный центр культурной и деловой жизни.

Он был красочным, вечно переполненным людьми, со множеством повозок и торговцев. Весь известный среднему египтянину мир делился на Египет и вассальные земли. Из вассальных земель приходили корабли, привозившие дань, и приставали к каменным фиванским причалам. Тир, Сидон, Вавилон и города Ханаана ежегодно платили дань Фивам, но большая ее часть доставалась Амону, чьи богато одетые и украшенные опоясываниями жрецы постоянно толпились в городе.

В то время город был известен как Но-Амон, он был посвящен Амону, высшему богу среди богов Египта.

Дети росли.

Теперь Нефертити могла с восхищением наблюдать, как Эхнатон, вместе с молодыми придворными, участвовал в играх молодежи. Среди египетских юношей была распространена игра, напоминающая гандбол, в которой использовался набивной простеганный кожаный мяч, очень похожий на современный бейсбольный. Вероятно, Эхнатона учили бороться, драться на поединках тупыми палками, поднимать тяжести, участвовать в состязаниях по бегу и учебных боях. Будучи очень молодым, он уже ездил на собственной колеснице и мог участвовать в гонках, в которых соревновалась молодая знать (аналог сегодняшних автомобильных гонок). На колеснице он и охотился – с собаками, луком, стрелами и копьем, что было отличной тренировкой для будущих воинов, поскольку знатные люди сражались не сходя со своих колесниц.

Однако сомнительно, чтобы Эхнатон посвящал все свои мысли войне. Его и Нефертити растили для правления мирной страной. Он был мальчиком, которому предстояло стать мужчиной, умеющим получать удовольствие от женского общества. В годы приближающегося взросления он находился под влиянием своей матери, а ближайшей подругой его среди детей фиванского двора была Нефертити.

Неужели даже тогда фиванцев не интересовало, кто была эта девушка? Являлась ли она загадкой для египтян, увидевших ее в первый раз сразу же в качестве нареченной молодого принца, который со временем стал их царем? Впрочем, они могли знать правду о Нефертити. Однако позже все упоминания о ней были утеряны вплоть до того дня, когда ее бюст был обнаружен в Амарне.

Эксперты выдвигают различные теории ее происхождения. Аналогичные вопросы и теории они выдвигают относительно происхождения матери Эхнатона, очаровательной царицы Тиу.

Некоторые из авторитетных исследователей считают, что обе они были принцессами из Митанни. Теория эта появилась на основании любопытного политического соглашения, заключенного между Египтом и Митанни задолго до рождения обеих женщин.

Ранее, во времена восемнадцатой династии, между двумя странами существовала длительная вражда. Более ста лет египетские пограничные форты пребывали в состоянии посто-

янного напряжения. Но в начале становления империи, во времена правления Аменхотепа II, Месопотамия оказалась под угрозой вторжения своих вечных врагов – вавилонян и хеттов. Правители Митанни пришли к заключению, что политика приносит больший доход, чем война, и попросили защиты у всемогущего Египта.

В подтверждение новой дружбы митаннские цари послали вверх по Нилу египетским царям корабли, полные сокровищ. Украшенные барки с яркими развевающимися иностранными вымпелами подошли к длинному каменному причалу Фив, чтобы выгрузить разнообразные дары: редких животных, лошадей, колесницы и рабов. А вместе с ними, как высший дар их царственного отца, прибыли митаннские принцессы, чтобы стать дополнительными женами в гаремах египетских царей. Они стали завершающим штрихом митаннского договора с Египтом.

Три поколения египетских царей женились на царских дочерях из Митанни. Одной из них была бабушка Эхнатона, посланная в Египет своим отцом, царем Митанни Артамата, чтобы стать невестой Тутмоса IV. Там она приняла египетское имя Мутемуя в честь богини правды. Тутмос сделал ее своей «великой царицей», и она стала матерью Аменхотепа III, отца Эхнатона.

Мутемуя была известна своей красотой и добротой. Когда ее сын Аменхотеп избрал Тиу и решил на ней жениться, Мутемуя радушно приняла ее в царскую семью и уделяла ей много внимания. В свою очередь, царица Тиу явно с любовью относилась к девочке Нефертити, которую выбрал в жены ее собственный сын.

Царская семья Митанни принадлежала к арийскому роду индоиранского происхождения. Они поклонялись индийским богам. Таким образом, арийская кровь Мутемуи и других митаннских принцесс влилась в кровь представителей восемнадцатой династии, уже и так достаточно смешанную. Следовательно, Эхнатон был частично арийцем. Со времен его дедушки цари Египта и Митанни именовали друг друга «братьями».

В то время, когда подрастали Эхнатон и Нефертити, митаннских принцесс все еще продолжали присылать в Египет. Широко раскрытыми глазами эти двое должны были наблюдать, как царские посланницы любви сходили со своих барок, а за ними следовали красочные свиты из ярко разодетых дам (выбранных, как и сами принцессы, за красоту), сотни слуг и рабов, ведущих редких животных, несущих приданое и свадебные подарки.

Аменхотеп принимал этих принцесс как дополнительных жен, но единственной и любимой, его «великой царицей», была Тиу. Мы знаем, что одна из девушек была послана и Эхнату, когда он был еще очень молод. Но он мог и не принять этот дар, поскольку во всех сохранившихся документах его единственной любовью называют Нефертити.

Однако присутствие этих принцесс в Фивах настолько запутало историков будущего, что более чем через три тысячи лет возникло подозрение, будто обе женщины, и Тиу и Нефертити, происходили из Митанни, причем обе роли (и Тиу и Нефертити) приписывались одной и той же принцессе.

Это была принцесса Тадукипа, дочь царя Митанни Тушратты, о котором мы еще не раз упомянем в этой книге. Ему нет равных по количеству посланной корреспонденции; в архивах Амарны сохранилось множество его писем сначала Аменхотепу, а позже – Эхнату. Он послал в Фивы свою сестру и нескольких дочерей, что дало ему право стать одним из самых надоедливых родственников египетского царского дома.

Принцесса привезла с собой внушительное приданое, описанное в амарнских документах, которое включало, помимо обычных сокровищ, большое количество изумительной домашней утвари, в том числе роскошные покрывала. В Египте они стали украшением постелей, поскольку египетские цари спали на искусно вырезанных и позолоченных кроватях, тогда как в Месопотамии даже цари спали, как простые египтяне, на полу.

Митаннские принцессы и их приданое посылались не безвозмездно. Ожидалось, что барки не будут возвращаться порожняком – египетские цари также пришлют им дары. За счет того, что царь Тушратта послал отцу Эхнатона и другую свою дочь, он счел себя вправе предъявлять непомерные требования.

«Мой брат, мой зять, который любит меня и которого люблю я... – писал он царю Аменхотепу, – пусть мой брат, не скупясь, пришлет побольше золота, поскольку в его землях столько же золота, сколько пыли».

И это было правдой. Египет был богат золотом, которое ценилось за красоту – его считали воплощением солнца. В пустыне, в восточных и южно-восточных горах существовали копи, где рабы и наемные рабочие выкапывали, промывали и плавили золото. Дополнительно золото приходило как дань из вассальных государств – Нубии и Сирии. В результате золото в Египте использовалось всюду: его носили богатые люди, им украшали мебель, колесницы и гробы. Горы золота высотой с трон возвышались перед царями и заполняли сундуки в царских сокровищницах. Дворцы, соборы и надгробия были буквально устланы золотом.

Аменхотеп III послал «большое количество золота», чтобы гарантировать неприкосновенность своих границ. В свое время этот поступок будет расценен как признак ослабления все еще могущественного Египта, и сыну царя Эхнатону придется узнать, что верность купить невозможно.

Приблизительно в то же время в фиванском гареме разгорелся курьезный скандал, о котором мы узнали из амарнских писем. В качестве одной из дополнительных жен царь Аменхотеп взял одну из сестер царя Вавилонии Кадашмана-Бела, написавшего Аменхотепу письмо с запросом, так как посол Вавилонии в Египте пожаловался царю, что он был во дворце Аменхотепа и его не допустили к принцессе. В действительности посол Вавилонии сообщил, что ему показали женщину, одетую как царица, но она находилась на значительном расстоянии, а ему не разрешили подойти ближе, чтобы убедиться, что это она и есть.

В ответ на это письмо царь Аменхотеп, естественно, вспылал. Поскольку посланник был явно «не безгрешен», он предложил послать в Фивы доверенного евнуха, знакомого с уехавшей сестрой.

Больше на эту чувствительную тему не было найдено ни одного письма, осталась только эта не слишком дружелюбная переписка между зятем и шурином.

Среди амарнских посланий было найдено еще одно любопытное письмо от царя Тушратты, написанное царице Тиу, где он просит передать приветы «своей дочери и ее невестке». Это, по сути, единственный намек на то, что у Эхнатона могла быть «дополнительная жена», он также дал основания для легенды, что Нефертити могла быть митаннской принцессой.

Великий египтолог Джеймс Х. Бристед писал, что происхождение Нефертити «таинственно» и что она могла быть иностранкой.

Но он писал это прежде, чем были найдены свидетельства на надгробиях.

До определенных открытий в Долине царей в Фивах и захоронений в Амарне аналогичные теории существовали относительно происхождения царицы Тиу. Хотя между ними пролегло поколение, считалось, что обе прибыли в Фивы как часть митаннской дани и завоевали любовь своих царей.

В каком-то смысле легенда говорит правду. Истории Нефертити и ее свекрови на удивление похожи. Обе женщины возникли из неизвестности, чтобы завоевать любовь первых монархов мира.

До недавнего времени о происхождении Тиу ничего не было известно. Делались попытки доказать, что она – дочь царя Митанни, Сирии или Вавилона. Один из исследователей даже утверждал, что она была сестрой царя Тушратты.

Однако на самом деле мать Эхнатона родилась в бедности. История Тиу – это история Золушки и нищей Кофетуа, случившаяся века до написания этих романтических сказок.

Когда царь Аменхотеп женился на Тиу, он повелел изготовить первые в истории Египта увековечивающие таблички, извещающие об этом союзе. Таблички эти были написаны клинописью и имели форму священного жука скарабея. Должно быть, их было изготовлено огромное количество, так как они были найдены во множестве и в достаточно отдаленных местах, например в Греции.

В противоположность всем царским традициям, происхождение невесты не упоминалось. Таблички просто извещали, что теперь Тиу является «женой великого царя, царской супругой, великой и истинной наследницей, владычицей многих земель». Естественно, подчеркивание ее высокого положения у любого отбивало охоту намекать на ее сомнительное происхождение. Тиу со дня свадьбы всегда изображали сидящей или стоящей рядом с царем, и ее имя писалось вслед за именем царя во всех официальных документах и на памятниках.

Она обладала признанным влиянием на царя Аменхотепа. Ее власть была абсолютной.

И это то, что бросается в глаза, когда мы рассматриваем портреты и статуи царя Аменхотепа и царицы Тиу. Эта счастливо улыбающаяся, здоровая и красивая пара кажется нам знакомой, настолько они выглядят человечными, настолько явно восхищены друг другом и своей жизнью. Им повезло в жизни, они были верховными правителями Египта в зените его славы. Позже период восемнадцатой династии назовут «золотым веком», а управление страной будет названо самым мирным.

Даже в высеченных из камня гигантских изображениях проглядывает внутренняя сущность этой царственной пары. Их окружает аура благополучия, тонких чувств и взаимного уважения. Аменхотеп улыбается, но в его манере держаться проглядывает суровость; Гомер напишет о нем как об «одном из лучших воплощений мужчины». Он явно осознает свою огромную ответственность величайшего монарха мира.

Тиу же является земным созданием, наслаждающимся всем, что имеет. Она явно находится с царем на равных. Предыдущих египетских цариц, за небольшим исключением, содержали в восточном уединении и изображали маленькими, размером с куклу, часто обнимающими ногу своего повелителя, что свидетельствовало об их праве на его защиту. Тиу ни на кого не облакачивается. Наклонившись вперед, она сидит в центре трона, удивительно живая, энергичная и восхитительно женственная, само воплощение благодушного очарования. У нее стройное, но крепкое тело, пышущее «деревенским» здоровьем, черты лица отражают веселый характер. У нее искренняя добродушная улыбка, от которой на щеках появляются ямочки, и даже в каменном изображении мы видим, как высоко ценит ее великий повелитель, за которого она вышла замуж, и как высока ее собственная значимость как женщины и как царицы.

Цари восемнадцатой династии отличались превосходным здоровьем и здравомыслием. Тиу и ее супруг были выдающимися людьми. На портретах царица Тиу изображается голубоглазой, со светлой кожей. Светловолосые царицы были в Египте и прежде. Например, в период четвертой династии, в то время, когда строились пирамиды, жили две светловолосые царицы, причем у одной из них были волосы с рыжеватым отливом. В древней египетской легенде рассказывается о знаменитой светловолосой куртизанке.

Подобные женщины и Тиу могли происходить из считавшегося вымершим племенем голубоглазых людей, которые много веков назад переселились в Египет из Южной Европы.

На портретах Тиу мы видим те качества, которые позволили ей завоевать любовь первого царя мира. Но мы не знаем, как это сильное существо, не имевшее высокого социального положения, оказалось замеченным царем Аменхотепом, о ее происхождении ничего не было известно до раскопок в Долине царей в Фивах, произведенных в 1905 году.

Там, в месте, отведенном для царей, Теодор Де-вис обнаружил прекрасное захоронение, относящееся к восемнадцатой династии, в котором были похоронены мужчина и женщина, явно не знатного происхождения.

Судя по надписи, эти двое были простыми людьми, без каких-либо титулов и заслуг. Их имена были Йуйа и Туйа (другое написание – Тиу).

Это были отец и мать царицы Тиу, бабушка и дедушка Эхнатона. Отец Тиу был жрецом. Брата Тиу, Анена, Аменхотеп сделал одним из высокопоставленных жрецов Амона.

Высочайшей честью, которую фараон мог оказать тем людям, которые были ему дороги, было построить им при жизни дорогую гробницу и забальзамировать их тела после смерти. Любовь, которую Аменхотеп испытывал к своей жене, и уважительное отношение к ее родителям выразились в гробнице, которую он приготовил ее отцу и матери. Погребальные предметы, найденные в их могилах, давали наилучшее представление о роскоши времен восемнадцатой династии – до тех пор, пока не была найдена гробница царя Тутанхатона.

Эхнатон являлся потомком длинной череды предков, отличавшихся агрессивностью, которая, в случае его отца, сочеталась с великой способностью любить. Эхнатона и Нефертити воспитывали в атмосфере глубокой любви. В каждом монаршем действии Аменхотепа III была заметна его глубокая привязанность к Тиу, бывшей его доверенным лицом, его другом и его царицей. Сильный, любящий и добрый, он служил образцом верности для молодого принца, будущего царя Египта.

Правление Аменхотепа III, как и его домашняя жизнь, протекало спокойно и безмятежно. Лишь однажды, когда Эхнатону исполнился год, Аменхотепу пришлось исполнить роль воина, взобраться на золотую колесницу и повести армию на юг, в Нубию, чтобы разрешить конфликты между ее племенами. Он вернулся с большой добычей и семьями черными рабами, хотя сама победа явно не стоила ластивых панегириков жрецов Амона, моментально поднимавших свой голос, как только речь заходила о дележе добычи.

Царь Аменхотеп не стремился воевать, однако был большим любителем охоты на львов и диких быков. После войны охота всегда была самым любимым занятием предков Эхнатона. Он и Нефертити должны были помнить, как в детстве они наблюдали отъезд царя Аменхотепа из Фив на царское сафари. Провизию, колесницы для охоты и другое снаряжение, лошадей и собак грузили на корабль, и царь со своими сподвижниками из числа знати отправлялся вверх или вниз по Нилу – в такое место, где эту дикую игру можно было бы беспрепятственно наблюдать. Однажды отец Эхнатона за один день убил 170 диких быков; упоминается также, что за свою жизнь он убил более ста львов. Он убивал их из лука, со своей колесницы, и этот спорт был не для слабых.

В описаниях охоты рядом с именем Аменхотепа мы находим имя царицы Тиу. Подозревают, что энергичная мать Эхнатона сопровождала мужа в этих опасных поездках.

Их сын не проявлял интереса ни к войне, ни к охоте. Эхнатона нигде не изображают в медном наручнике, предназначенном для защиты руки лучника от спущенной тетивы. Но его отец и дед были отличными стрелками. Аменхотеп II был объявлен лучшим лучником своего времени. Остальные предки изображались с серпами в руках, которыми они убивали «вождей всех окружающих земель».

С самого начала Эхнатон был мирным принцем. Главным наследием, полученным им от своих сильных и крепких родителей, были любовь к красоте и архитектуре. Аменхотеп и Тиу правили в Египте экономично и разумно, обеспечивали безопасность политическими методами, поэтому им хватало средств на памятники архитектуры, предназначенные увековечить их имена. Царица Тиу с энтузиазмом поддерживала строительные планы своего мужа, а позже помогла осуществить архитектурные начинания Эхнатона и Нефертити.

Надежды этой необычайной пары и всего Египта были возложены на юного Эхнатона, родившегося на четвертый год правления Аменхотепа. При появлении на свет наследника

восемнадцатой династии мужского пола во всем Египте был устроен праздник. Всем людям бесплатно раздавали хлеб и пиво. Гордый отец, держа в руках эмблему жизни анх, произнес самое главное пожелание египетского отца своему новорожденному сыну: «Живи миллионы лет, как солнце».

К двенадцати годам солнце уже играло важнейшую роль в жизни Эхнатона.

Молодому принцу поклонялся весь Египет.

Эхнатон не очень походил на своих родителей. Они были здоровыми, он – хилым. Они были веселыми экстравертами, а он – задумчивым и погруженным в себя. Черты его лица напоминают Тиу, но ее лицо было круглым, а его – вытянутым, и ему явно не хватало ее живого, легкого характера. Он не разделял стремления к активной жизни, столь присущего его родителям.

Авторитет Эхнатона, как перворожденного и единственного сына своих родителей, был непререкаем.

У него была одна родная сестра, Бекетатон, следовавшая за ним в Амарну. Встречается упоминание и еще об одной сестре, Исиде, но у царицы Тиу могли быть и другие дети, которые не выжили.

В Фиванском дворце были и другие царские дети. Царь Аменхотеп женился на принцессах, присланных ему другими царями в политических целях. К ним и к их детям относились с уважением, и некоторые из них сыграли важную роль в жизни Эхнатона и Нефертити, но, несмотря на царское происхождение, у них не было надежды прийти к власти. Единственными признанными детьми Аменхотепа были те, которых родила его «великая царствующая жена» царица Тиу, а среди последних ближайшим к своим родителям был сын Эхнатон, единственный наследник Египта.

А кем была Нефертити? Изнеженной, избалованной, изысканной маленькой пешкой, которую непреодолимые силы продвигали по шахматной доске египетской жизни. В течение длительного времени было неясно, кто и зачем ей помогал.

В отношении Нефертити было выдвинуто не меньше теорий, чем когда-то о происхождении царицы Тиу. Происхождение Нефертити также скрыто во тьме веков. Но, в отличие от Тиу, никакие скарабеи не увековечивали великие дни ее жизни. И как и в случае Тиу, информация о ней была найдена случайно, при исследовании захоронений.

Некоторые авторитетные историки придерживаются мнения, что единственным возможным объяснением положения Нефертити является то, что она была дочерью царя Аменхотепа и царицы Тиу и родной сестрой Эхнатона. Но вряд ли это может быть правдой. Жизнь Аменхотепа и Тиу, в отличие от жизни Эхнатона и Нефертити, была тщательно задокументирована, и записи о ней сохранились. Если бы Нефертити была дочерью Тиу, то этот факт, помимо записей, непременно был бы отмечен на одном из памятников, прославляющих царицу.

Другое, более приемлемое предположение состоит в том, что Нефертити была сводной сестрой Эхнатона, рожденной от Аменхотепа одной из «дополнительных» митаннских жен, что объяснило бы и распространенное мнение, будто в ней текла митаннская кровь.

Эти теории были основными, поскольку считалось, что только царские наследники могли получить власть, которой достигла Нефертити, и только родная или сводная сестра считалась достаточно божественной, чтобы выйти замуж за царского сына.

Тем не менее Тиу достигла царской власти, хотя и не происходила из царского рода.

Мы должны помнить, что нравы в Древнем Египте отличались от современных. Семья играла наиважнейшую роль. Братья и сестры вступали между собой в браки, чтобы сохранить наследственные черты. Такое кровосмешение было обычным для бедных и еще более распространено среди царей. Тенденция эта особенно распространилась во времена восемнадцатой династии. Право наследования передавалось по женской линии. Таким образом,

выходя замуж, наследная принцесса могла передать свою божественную силу мужу и сделать царем человека, вообще не принадлежавшего к знати.

От дворца до простых домов – всюду значительную роль играл матриархат. Жены и матери обладали большим влиянием. К женщинам с уважением относились в их доме, а за границей они считались полноценными гражданами. Они сами могли наследовать, покупать и продавать собственность. Они могли свидетельствовать в суде. Мать передавала свою собственность и титулы старшей дочери.

Но величайшим триумфом женщины было право быть любимой: своим супругом, своей собственной семьей и семьей своего мужа, своими детьми и богами. Еще больше укреплялась ее позиция, если она выходила замуж за любимого брата. Люди верили, что чем ближе кровные узы, тем глубже будет любовь.

Результаты подобных браков часто приводили к генеалогической путанице.

С другой стороны, обращения друг к другу «сестра» и «брат» не всегда свидетельствовали о семейном родстве. Эти слова могли служить выражением нежности. В романтических песнях, улаживавших слух египтян и особенно нежных во времена восемнадцатой династии, певица, обращаясь к своему возлюбленному, называла его «братом», а он, в свою очередь, называл ее «сестрой». «Сестрой» могли называть и любимую наложницу, как знак особого расположения к ней хозяина.

Через несколько веков Соломон в своей Песни Песней обратится к своей любимой «моя сестра, моя невеста». (Между прочим, многие наложницы выходили замуж и достигали уважаемого положения в обществе.)

Мы можем быть уверены, что Нефертити не была ребенком Тиу, но она последовала примеру матери Эхнатона. Царица Тиу была одной из самых выдающихся личностей в длинной череде блестящих цариц восемнадцатой династии. Теми же качествами, но в еще более тонченной форме обладала и Нефертити.

Обе они достигли верховной власти за счет любви избалованного восточного монарха, за которого вышли замуж.

Обе были рождены в бедности.

Все попытки доказать их царское происхождение провалились. В детстве у Нефертити явно не было никаких титулов, за исключением ее собственного музыкального имени.

У нее была сестра, на четыре года младше, которую звали Неземмут и к которой обращались как к принцессе. Но этот титул она могла получить уже после того, как Нефертити заняла трон. Не существует никаких документов, удостоверяющих высокое происхождение двух маленьких сестер, которых мы впервые встречаем в Фиванском дворце.

Чтобы разрешить загадку Нефертити, необходимы дополнительные исследования.

Но вот что интересно: куда бы мы за ней ни последовали, повсюду мы сталкиваемся с заботливым присутствием «могущественного и таинственного Ая».

Впервые мы встречаемся с ним, когда он занимает должность главного придворного писца в Фивах. Ему суждено было сыграть удивительную роль в жизни мальчика Эхнатона и набросить глубокую тень на маленькую фигурку Нефертити. Поэтому прежде чем решать загадку ее происхождения, нам следует найти ответ еще на один вопрос: а кем же был Ай?

Глава 3

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ВЕЛИКОГО ВИЗИРЯ!

Фивы, 1372 год до н. э.

Великие люди Древнего Египта были очень честолюбивы. Ая называли «человеком судьбы». Это первый описанный в истории случай, когда бедный мальчик из деревни сам пробил себе дорогу в жизни и победил.

Запечатленный в скульптурах образ отражает его высокое предназначение. Хорошо вылепленное, сильное и волевое лицо как будто отлито из стали. Неукротимый взгляд из-под нависших бровей, кажется, отвергает саму возможность, что такой человек когда-нибудь может умереть.

В течение пяти поколений восемнадцатой династии он оставался могущественной личностью, которая возвышалась, падала и поднималась опять.

Поистине, надо быть детективом, чтобы проследить путь Ая среди множества имен и титулов, которые он носил на протяжении своей жизни. Этот невероятный человек стал бы человеком-мифом в любую эпоху. Его достижения запечатлены в камне, а его имя всегда связано с великими вождями своего времени.

Невозможно преувеличить его роль в судьбе Нефертити.

Одной из загадок египтологии был путь, которым такой рожденный в бедности человек, как Ай, мог достичь своего высокого положения.

Он родился сыном простолюдина, некоего Хапу из Атрибиса в Нижнем Египте. (В те времена в Египте не носили фамилий, человека называли по имени отца – сын или дочь такого-то. О кузене могли сказать «сын брата отца».)

Хотя Ай и появляется под разными именами, он сам никогда не упускал своего опознательного имени – «сына Хапу». Возможно, в честь своего царственного покровителя, отца Эхнатона, и с его разрешения в течение нескольких лет он жил в Фивах как «Аменхотеп, сын Хапу». Его жена Тиу, «великая няня», также могла взять свое имя в честь царицы, сына которой она воспитывала.

Стремление Ая к управлению людьми стало очевидным еще в детстве.

Египет был абсолютной монархией, но во многих случаях он был удивительно демократичным, и амбициозный мальчик обладал возможностями подняться над средой, в которой родился, хотя, как правило, сын шел по стопам отца. Сын фермера чаще всего выращивал зерно или занимался скотоводством, сын повара – пек хлеб или жарил мясо, сын ткача продолжал работать на ткацком станке, а сын горшечника – вращать гончарный круг. В бедности жили их отцы, в бедности, в переполненных трущобах, жили и они сами, даже не представляя себе, что можно и не жить впроголодь.

Нищета редко бывает желанной, особенно в Египте, где привилегированные классы были сказочно богаты, а основная масса населения невероятно бедна. Богатство оценивалось не в деньгах, поскольку, хотя у всех были золотые и серебряные кольца и бусы, деньги возникли лишь в следующем тысячелетии. Покупательной способностью обладала земля, которая служила у египтян мерой товарообмена. Правила торговли были тщательно обговорены, меры веса и длины стандартизованы, каждый точно знал, сколько мешков овечьей шерсти или бушелей зерна ему придется уплатить за мясо и пиво для своей семьи. Крестьяне обрабатывали землю, выращивали скот, но большую часть произведенной продукции они должны были отдавать жрецам и царю.

Только во время праздников, когда благодаря щедротам царя населению бесплатно раздавали хлеб и пиво, бедный египтянин мог насладиться чувством сытости.

Однако если бедный мальчик каким-либо путем мог научиться читать, он уже никогда не оставался голодным. Он мог стать писцом. Ему предоставлялись возможности для продвижения. Тогда и он сам, и его семья навсегда могли избавиться от черной работы, им больше не грозил голод.

Существовала даже расхожая поговорка: писцу не грозит бедность.

В других странах национальными героями были воины. У египтян, которых называли «наименее воинственным из древних народов», также были свои военные герои, но писца уважали значительно больше, поскольку он обладал знаниями. Египтяне занимались сельским хозяйством, у них было хорошее правительство. Но кроме того, они вели записи. Именно писцы вели учет урожаев, налогов, составляли официальные документы для богатых и бедных. Писцы писали любовные письма и письма, посылавшиеся от живых мертвым, они писали панегирики на могилах и вели корреспонденцию царей. Своей историей Египет обязан писцам.

Не существовало высот, до которых не смог бы подняться писец. Он мог войти в правительство или сделаться военным. Его приглашали на дворцовые праздники. Иногда он мог занять даже положение визиря и стать угрозой трону. Советники древних фараонов всегда предостерегали: «Бойся великого визиря!»

Со временем великим визирем стал Ай.

Он начал свою карьеру, научившись читать и писать. Это умение требовало нескольких лет настолько тяжелой учебы, что немногие египетские мальчики стремились им овладеть. Каким-то образом сын Хапу поступил в одно из религиозных учебных заведений, находившихся под покровительством фиванских жрецов Амона на западной стороне Нила.

Под руководством учителя-писца он изучил сначала двадцать четыре одногласных иероглифа, составлявших алфавит египетского языка, основанного на семитском и нилотском, затем, один за другим, выучил более семисот иероглифов, символизовавших слова или составлявших слова при последовательном написании. И все эти однажды выученные иероглифы он должен был правильно использовать при написании сочинений.

В Египте были найдены тетради с сочинениями, тысячи лет назад написанными учениками, со сделанными чернилами исправлениями учителей.

Будучи мальчиком, Ай годами терпеливо практиковался сначала на глиняных табличках, затем на табличках из сланца, воска, дерева и слоновой кости. Когда мастерство его возросло, ему разрешили писать на дорогих листах бумаги, сделанных из стеблей папируса. У него был специальный пенал со скользящей крышкой, где он хранил заостренную металлическую иглу, щеточки и ручки, изготовленные из древесных волокон пальмы или заостренного тростника, а также маленькие сосуды с изобретенными египтянами красными и черными чернилами, приготовлявшимися из сажи и красной охры на основе камеди.

Он был серьезным студентом, этот мальчик из провинции. Он хорошо запомнил все советы, передававшиеся поколениям учеников великими старыми мастерами, напоминавшие современные письма Честерфилда «Советы молодому человеку».

В них содержались предупреждения амбициозным студентам не злоупотреблять такими удовольствиями, как «вино и пиво», которые в некоторых случаях могли повлечь за собой предосудительное поведение, например «залезание на стены... обучение игре на флейте или лире... увеселительные поездки с девушками... лежание рядом с хорошенькой девушкой, использование духов, ношение на шее гирлянд цветов, набивание живота, танцы и катание...»

Картины, возникающие при этих описаниях, явно не имеют отношения к Аю. Пьянство не считалось позором, но этому занятию мешали амбиции.

Скорее он предпочитал следовать советам древних учителей, входивших в список известных египетских писцов, «имена которых сохранялись в веках».

Они побуждали молодого человека: «Будь писцом, вложи в это всю свою душу, и тебя оценят по достоинству. Написать книгу полезней, чем украсить каменную стену... Человек смертен, тело его превратится в пыль, все его родственники лягут в землю... но если он занимался письмом – его будут помнить».

Об Ае напоминают не только его записи, которые позволили сохранить важную часть египетской истории, но и каменные стены богатых гробниц, потому что он был единственным, кого удостоили чести обладать двумя могилами.

Эти советы были составлены великими древними писцами, включая величайшего из них, Имхотепа, который написал первую из «книг мудрости». Его почитаемые в древности афоризмы не дошли до наших дней. О нем самом было известно, что он был не только писцом, но и астрономом, магом, врачом и архитектором. Будучи государственным секретарем и главным архитектором царя Зосера (или Джосера), принадлежавшего к третьей династии (около 2700 года до н. э.), Имхотеп спроектировал и построил первую пирамиду для царя Египта, величественную ступенчатую пирамиду в Сахаре, со всеми ее стенами, храмами и площадками. Она стоит и сегодня, архитектурный триумф, пришедший к нам из Древнего мира, первая в мире постройка из камня.

В скульптурном изображении Имхотеп выглядит сильным и целеустремленным человеком. Он не держит эмблем власти, лишь свиток папирусной бумаги, символ писца. Однако это всего лишь скромность, поскольку при жизни он достиг власти, уступавшей лишь царю, а после смерти врачи и писцы почитали его как святого. Молодые писцы, страстно желавшие достичь положения, просили духовного заступничества у Имхотепа, и амбициозный Ай, без сомнения, вознес ему множество молитв.

С горячими молитвами Ай мог обращаться и к Тоту, богу учения и покровителю писцов, поскольку он изобрел письмо и служил секретарем у других богов. Именно Тот записывал мудрые изречения богов в священные писания, которые студенты бесконечно копировали.

Видимо, Тот особенно благоволил к Аю, поскольку последний сумел стать Имхотепом восемнадцатой династии.

Тот появлялся во множестве образов. Его могли изображать в виде человека с головой птицы, в виде священной птицы ибиса, в виде серьезной пронзительной обезьяны или животного, напоминающего бабуина, с головой собаки. Священные образы бога Тота Ай хранил в местах, где обычно работал, – в архивах, в дворцовых классных комнатах, – а мелкие амулеты на счастье были предусмотрительно спрятаны на поясе, в складках его одежды.

Ай выучился и принял присягу писца, в которой клялся «ка Тота». Каждый бог и каждый египтянин обладали этой «ка», которая являлась жизненной силой, неким видом Doppelganger, или дубликатом личности. Обычно люди не встречались со своей второй личностью лицом к лицу, хотя твердо верили, что это возможно. Но вряд ли кому-либо хотелось это пережить.

Обучение письму занимало много лет, но для того, чтобы получить свиток писца, требовалось еще больше знаний. Например, Аю пришлось выучить математику. У египтян существовала форма повседневной арифметики, которая часто им требовалась. Они были большими специалистами по дробям. Примеры, записанные на древнем папирусе, подходят и для современной классной комнаты. Одна из задач начинается так: «Если столько-то буханок хлеба необходимо поделить между столькими-то людьми...»

Ай прошел и курс геометрии. Писец был обязан знать и египетские формулы, включавшие вычисление квадратного корня, формулы треугольника, цилиндра, пирамиды, и быть способным рассчитать площадь круга с диаметром, равным восьми девятым от заданного. От геометрических задач пылливый ум Ая мог перейти к изучению архитектуры.

Он был обязан изучить астрономию, которая была одной из самых почитаемых в Египте наук. Вопреки распространенному мнению, астрология не была известна древним египтянам. Предсказание будущего производилось не по звездам, а на основании изучения дней, сновидений и других явлений, например, таких, как предзнаменования, которые могли быть хорошими и плохими. Но интерес к небесам был основан на чистой науке. Наши знания о египетской истории основаны на датах, которые люди определяли по звездам. Солнечный календарь, разделенный на 365 дней и изобретенный египетскими астрономами в 4241 году до н. э., был назван их величайшим научным достижением. Он не был точным, однако хорошо служил египтянам и, введенный в Риме Юлием Цезарем, стал предшественником современного календаря.

Помимо прочего, Ай должен был помнить нескончаемый список богов, разбираться в сложной религии Египта, бесконечных ритуалах, молитвах и гимнах. Ему приходилось копировать священные писания, написанные сотни лет назад.

Годы учения и молитв были хорошо вознаграждены, поскольку ко времени детства Эхнатона и Нефертити Ай, сын Хапу, был уже важным сановником, исполнявшим наряду с другими важными обязанностями должность главного писца царя Аменхотепа.

В любое время дня и ночи Ая могли призвать пред богоподобные очи царя. Теперь он ходил с достоинством, ничего не держа в руках, его письменные принадлежности и палетку нес шедший позади раб. Он садился перед царем и, скрестив ноги и удерживая табличку на коленях, начинал справа налево выводить иероглифы, записывая глубокие мысли, изреченные царем. В свою очередь, он мог задавать вопросы, предполагать и даже советовать. Он отвечал за архив, где регистрировал и хранил царскую корреспонденцию. Он знал все дворцовые секреты. Ни один человек нецарской крови не находился так близко к трону.

На скульптурном изображении Ая приведены его собственные слова, объясняющие его приближение к власти. Это откровенная исповедь оппортуниста и дипломата. Но прежде чем его непреклонное стремление продвигаться вверх стало очевидным, он успел надо всеми взять верх.

И всегда, когда бы мы с ним ни встречались, он проталкивал перед собой веселое, восхитительное маленькое создание, чьи способности он первым заметил и чей успех был его собственным успехом.

Сам Ай объяснял свой успех «исключительным знанием» иероглифов и священных писаний.

«Я был посвящен в тайны священной книги, – гласит текст. – Я созерцал духовную сущность Тота и был сведущ в его таинствах. Я раскрыл все его хитрости. Он (царь Аменхотеп) спрашивал моего совета по поводу происшествий, с ним случавшихся».

Ай не был удовлетворен положением главного царского писца и доверенного лица царя. Его планы относительно себя самого и Египта простирались далеко за пределы понятий того времени.

Теперь, после рождения Эхнатона и Нефертити, Ай нашел наконец свой путь. Он был жрецом Амона, возглавлявшим процессии на религиозных праздниках. Он был придворным, имевшим право держать свой собственный золотой жезл в присутствии царя. Участвуя в царских процессиях, он нес царское опахало из страусовых перьев «справа от царя». По сути, он был государственным секретарем в правительстве Аменхотепа, на него были возложены все военные и государственные дела. Порой, в качестве посла, он выполнял тайственные миссии в отдаленных местах – «даже таких далеких, как Вавилония».

От Аменхотепа Ай получил высокий военный чин главного управляющего царскими лошадьми, что сделало его главой царской кавалерии, впечатляющего шествия колесниц, лошадей и людей. Он также был главнокомандующим всех царских армий. Кроме того, он был главным офицером, следившим за исполнением воинской повинности.

Воинская повинность была новым явлением в Египте и могла быть введена самим Аем, так как ранее восемнадцатой династии о ней не упоминается. Теперь же фиванцы могли нередко видеть ходивших по домам солдат, искавших юношей призывного возраста, которых размахивающий боевым топором офицер быстро уводил по улице, чтобы обучить военному искусству. И делалось это по приказу Ая.

«Я собрал молодых людей», – провозглашает он со стен своей гробницы.

Военные обязанности были возложены на него вскоре после рождения Эхнатона. По поводу единственной военной вылазки царя Аменхотепа в Нубию он хвастался: «Я осыпал крестьян той добычей, которую его величество взял на поле боя».

Теперь Эхнату и Нефертити было двенадцать и одиннадцать, и они должны были испытывать гордость от военных спектаклей, поставленных Аем. Спектакли происходили на равнине за пределами города, их основной задачей было продемонстрировать мощь египетской армии. Ослепительной центральной фигурой этого масштабного представления, которое разворачивалось на площади в несколько миль, был добрый и знакомый облик отца мальчика, величественный и устрашающий в сверкающих военных доспехах. В своей золотой колеснице, возможно, в блестящей кольчуге царь Аменхотеп несся на врага. Плечом к плечу с царем на колесницах из электрона (смеси золота и серебра) мчались офицеры его отборных войск, отлично подготовленных к битве.

Эти батальоны на колесницах, представлявшие собой механизированные военные соединения тех времен, были организованы Аем. Колесницы, изобретенные шумерами около 3000 года до н. э., начали использоваться в Египте приблизительно за четыреста лет до описываемых событий. Теперь египетские колесницы стали самыми известными в мире, ими пользовались в повседневной жизни и на спортивных состязаниях, в мирных целях и на войне.

Самой прекрасной после царской по положению и пышности была колесница Ая, руководившего не только царскими армиями, но и судьбой Нефертити. Размещенные вокруг военачальников в грозном боевом порядке, хорошо организованные силы многих дивизий гарантировали Египту мир. Тысячи пеших солдат были обучены маршировать в ногу. Часть из них составляли войска негров из Нубии. Все они были умелыми воинами. Некоторые несли пики, боевые топоры и рогатки, но большинство составляли лучники, обученные, волна за волной, стрелять в долинах во время наступления. Все они носили юбки и парики, но ходили босиком; раскрашенные щиты имелись лишь у метателей копий.

Оружие изготовлялось из бронзы и меди. Царь мог носить на поясе железный кинжал. Железо было открыто недавно и ценилось значительно дороже золота.

Во время этих демонстраций солдаты, которых тренировали на скорость, должны были перестроиться, растянуться в шеренгу, устремиться на врага и отрубить руки упавших противников, которые в Фивах можно было обменять на золото. Не менее впечатляющим было появление на поле боя натягивающих поводки поджарых собак в широких ошейниках и львов, привезенных из Африки и Месопотамии, обученных в ходе битвы следовать за своим царем. Львов удерживали сильные слуги.

В детстве Эхнатон и Нефертити видели лишь несколько таких военных представлений. Царь Аменхотеп больше не участвовал в битвах. Он не любил войну, даже если это и были военные спектакли, разыгрываемые в мирное время. Родители мальчика стремились к миру. Их величественная империя не нуждалась в защите. Другое дело красота – ее можно создавать бесконечно. Аменхотеп и его царица вынашивали планы более долговременные, чем какие бы то ни было войны.

Поскольку у них не было нужды расширять владения Египта, они вернулись к мечте всех египетских фараонов – создать памятники, которые сохранят их имена в веках.

Ай легко читал в сердцах своих царственных покровителей и, будучи прагматиком, поддерживал их мечты.

Он был тем гением, редким в любую эпоху, который с легкостью воспринимал все знания своего времени. Его можно сравнить с Леонардо да Винчи. Обремененный множеством обязанностей, Ай все-таки нашел время, чтобы изучить архитектуру и овладеть этим мастерством. Царь Аменхотеп и царица Тиу сделали его главным царским архитектором, ответственным за все их проекты.

Об этой новой обязанности Ай писал: «Я действовал так, как он (царь) сказал, и выполнял то, что он поручил моим заботам. Я считаю это полезным...»

Полезным Аю, Нефертити и всем тем, кто вместе с ним любовался красотой, которую он подарил Египту!

Руины Фив – самые величественные в мире. Какой частью этого великолепия мы обязаны Аю?

Город, страна, мужчина и женщина на троне, возрастающие интерес и влияние мальчика-принца – все было совершенно правильно для такого человека, как Ай. Во времена его пребывания в роли главного царского архитектора Фивы стали первым в мире великим городом-памятником.

Пока Эхнатон и Нефертити росли, в Фивах разворачивалось широкомасштабное строительство.

Будучи главным архитектором, Ай не удовлетворялся простым вычерчиванием планов храмов и памятников, предназначенных для увековечения памяти отца и матери мальчика. Он руководил их возведением. Царь предоставил ему полную свободу. Под его началом были неистощимые ресурсы в виде рабов и строительных материалов. Очевидно, одной из его обязанностей было организовывать снабжение строительными материалами, поскольку в своих записях он пишет: «Я оценил дома... мое перо записало количество миллионов...»

Народ платил за процветание Фив данью или своими жизнями.

Каменные памятники Египта доносят до нас имена царей и память о многих тысячах безымянных строителей. Архитектура прошла длинный путь с тех пор, как люди из неолита построили свои первые хижины из ила на берегах Нила. Поскольку в стране практически не было деревьев, египтяне были первым народом, которому пришлось строить из камня. Первым был Имхотеп, построивший во времена третьей династии ступенчатую пирамиду в Сахаре. Во время четвертой династии (около 2500 года до н. э.) египетский архитектор построил для царя Хуфу (известного грекам как Хеопс) великую пирамиду в Гизе – единственное, что осталось от семи чудес света.

В течение двадцати лет под свист бичей, звук человеческого унижения, 100 000 человек из всех сил трудились и умирали, укладывая 2 300 000 высеченных из камня блоков весом около 2 ¹/₂ тонны каждый с такой невероятной точностью, что между ними не прошло бы и лезвие бритвы. И все это с помощью простейшей механизации – рычагов и, видимо, деревянных катков.

Эта пирамида была возведена во славу царя, чье священное мумифицированное тело было спрятано в глубине подземного лабиринта, в помещении, наполненном богатствами, под каменной горой, где оно должно было сохраниться навечно.

Но когда археологи в конце концов нашли путь в подземный дворец и раскрыли секреты Хеопса, помещение уже было разграблено, а гранитный саркофаг оказался пуст.

Во времена детства Эхнатона и Нефертити египетские архитекторы приближались к зениту своей славы, а центром этой славы были Фивы. Фивы были городом храмов и памятников. Египетские архитекторы подчинили себе линию и симметрию. Именно они создали опорную башню, так называемую римскую арку, колоннаду и летящие вверх колонны, украшенные растительными мотивами, ставшие символом греческой архитектуры. И Греция

и Рим многое позаимствовали у египтян, которые были первопроходцами в архитектуре, искусстве и науке.

В Фивах Ай продолжал великие традиции своего кумира Имхотепа.

Вплоть до мелочей повторил он карьеру писца третьей династии, ставшего архитектором и создавшего для третьей династии то, что Ай делал для восемнадцатой. Обоим повезло служить царям, которые страстно стремились развивать архитектурную красоту Египта.

Ай был безупречен. Он безжалостно заставил себя глубоко изучить множество профессий, а теперь возглавлял тысячи рабочих, создавая постройки не только прекрасные, но и долговечные. Фиванские памятники возводились лучшими каменщиками, найденными в Египте. Глыбы песчаника или гранита, весом по 200 тонн каждая, поднимались на стены строящихся храмов, с тем чтобы стоять вечно. Внешние стены были покрыты барельефами, изображавшими царя во время битвы, а внутренние – сценами вознесения благодарности богам.

Будучи полномочным представителем его величества царя и проезжая вдоль строительства на своей колеснице, Ай вселял ужас в сердца мастеров и их артелей.

В этих поездках его нередко сопровождал маленький и слабый, но глубоко заинтересованный Эхнатон. А возможно, так как мальчик и девочка редко разлучались, его сопровождал и еще один зачарованный пассажир – Нефертити.

Строительство города возбуждало воображение двух детей. Они, в свою очередь, как и родители мальчика, тоже начнут строить, но их строительство будет беспрецедентно шире, масштабнее, а постройки – более необычными.

Большинство величественных построек, возведенных в то время в Фивах, были спроектированы и построены для царя Аменхотепа его главным царским архитектором, который был также «фаворитом и другом». Позже, со стен своей гробницы, Ай потребует похвалы за то многое, что было завершено ко времени, когда Эхнату еще не исполнилось двенадцати.

Правление Аменхотепа и Тиу было отмечено безмятежностью и безопасностью, Египту не угрожали войны, и правящая чета могла свободно вкладывать свою энергию и богатства в проекты, созданные Аем. В результате они стали известными благодаря построенным по их повелению храмам, которые возводились не только в столице. На севере в Мемфисе и на юге в Нубии поднимались храмы и статуи, носившие имена Аменхотепа и Тиу и их главного божества Амона.

В северной части Фив, называвшейся Карнак, уже существовал прекрасный храм, посвященный Амону. Его руины хранят воспоминания о многих драматических событиях в жизни Нефертити и Эхнатона. Детями они присутствовали на богослужениях в его темном, похожем на пещеру зале, трепеща от осознания происшедших здесь событий, повлиявших на историю восемнадцатой династии. Здесь Ай председательствовал в своем собственном синоде, состоявшем из жрецов Амона. Здесь Нефертити и Эхнатона готовили к торжественному ритуалу принятия ответственности.

Отец мальчика был благодарен Амону за свое успешное царствование и счастливую личную жизнь. Он считал, что для такого большого города, как Фивы, одного храма явно недостаточно. Второй храм он решил построить в Луксоре, южном районе Фив, где со времен двенадцатой династии находились развалины маленького храма, посвященного Амону. На этих развалинах царь Аменхотеп приказал Аю построить величайший из всех царских памятников, храм в Луксоре, посвященный Амону. «Построенный на земле, устланной серебром и окуренной фимиамом», этот храм обладал залами и колоннадами необычайной красоты. Величественные каменные колонны поднимались намного выше уровня глаз и оканчивались россыпью цветов, преобладающим из которых был лотос. Мы можем не сомневаться, что девочкой Нефертити присутствовала на освящении этого храма – ритуале, который проводился Эхнатоном и его родителями. Там же присутствовал и Ай с женой,

чтобы насладиться законной гордостью за каменное чудо, порожденное его энергичным мозгом.

С тех пор к именам Ая прибавилось еще одно: «божественный мастер».

Глядя на фиванские руины, мы начинаем понимать, почему такие архитекторы, как Ай, удостаивались от своих царей почестей и даже обожествления.

Вслед за храмом в Луксоре Аменхотеп приказал возвести еще один храм, на сей раз посвященный богине Маат и существующий и поныне. Он и царица Тиу, а позже Эхнатон и Нефертити испытывали особенную привязанность к этой богине, отвечавшей за многое, к чему с уважением относятся хорошие люди, а именно за правду, закон и порядок.

Храм Маат был расположен рядом с храмом Амона в Карнаке и связан с храмом Амона в Луксоре садом в полмили длиной. В саду царь повелел вырыть большой пруд, вода в который поступала из Нила.

Между двумя храмами Амона, спускаясь через парк к Нилу, проходила аллея Быков, с одной стороны украшенная вырезанными из камня фигурами священных животных, а с другой – сфинксами.

Все Фивы, включая западный и восточный берега Нила, превратились в огромный сад. Каждое здание, за исключением каменных гробниц, которые укрывали тела мертвых, было окружено садами. Армии рабочих-пеонов ухаживали за деревьями и цветами, многие из которых были редкими видами, привезенными из чужих земель воинственными предками Эхнатона. В мягком климате Египта они разрослись и стали еще прекраснее. Говорят, что все египтяне любят цветы. Страсть к цветам не миновала и Нефертити, на портретах ее нередко изображали украшенной живыми цветами или сделанными в виде цветов ювелирными украшениями.

Среди моря цветов, над которыми красовались пальмы и акации, поднимались колонны храмов и дворцов, сияли покрытые золотом обелиски, элегантные замки, виллы знати и погребальные храмы. С восточной стороны города виднелись вершины, защищавшие Фивы от пустыни, а гряда холмов, расположенная на западе, скрывала Долину царей.

Неограниченные средства и людские резервы позволили Эхнатону и его предкам превратить Фивы в один из прекраснейших городов мира.

Как и все египетские города, Фивы оказались под влиянием Вавилона. Даже богатые дома были построены из необожженных нильских кирпичей, но к строениям с плоскими крышами египетские архитекторы добавили новые украшения: каменные колонны с растительным орнаментом, красные гранитные опоры в форме папируса и панно на стенах.

Вместе с архитекторами работали фиванские художники, отчего город становился еще прекраснее. Однажды неповторимые краски разрушенных Фив на века были занесены песками, но даже сохранившиеся развалины бывшего великолепия свидетельствуют о немыслимой красоте древнего города.

В западном районе Фив, через реку от Луксора, находился большой, удобный и красивый дворец, где жили царь Аменхотеп и царица Тиу, руководившие веселой жизнью царской семьи. Здесь Нефертити и провела свое детство.

Ее появление во дворце остается тайной – так же, как и человек, который ее туда поместил.

Решительный Ай направлял жизнь прекрасной маленькой девочки Нефертити так же легко, как он справлялся со всеми другими делами.

Глава 4 ВО ДВОРЦЕ

Фивы, 1372 год до н. э.

Фиванский дворец, где провели свое детство двое детей, был красивейшим местом, и Эхнатон проводил там счастливые дни, о чем свидетельствует тот факт, что дворец, построенный им для Нефертити в Амарне, является почти полной копией того, который его отец построил для царицы Тиу.

Спроектировал и построил Фиванский дворец все тот же Ай.

Можно было бы ожидать, что дом, возведенный для самой могущественной семьи мира, будет построен из камня, но это было не так. Из камня создавались храмы и памятники, то есть то, что должно было стоять вечно. Жизнь же, по мнению египтян, являлась временным явлением, следовательно, и дома, в которых они жили, должны были служить своим владельцам недолго – всего лишь в течение одной жизни. Поэтому, несмотря на то что египетская архитектура достигла своего зенита, фараоны продолжали строить дворцы из дерева или обожженных на солнце нильских кирпичей. Но поскольку они любили красоту, их скромные жилища очаровывали каменными пилонами, расписанными деревянными балками, полами, потолками, каменными колоннами и дверными рамами.

Построенный из дерева Фиванский дворец производил величественное впечатление: его наружные стены были ярко расписаны, перед входом высились кедровые флагштоки, на которых развевались синие и белые царские флаги. Над главным входом нависал балкон с колоннами, где, лениво раскинувшись на подушках, члены царской семьи могли наблюдать за красочными судами, проплывавшими по Нилу на север и юг.

Это было «окно появлений», существовавшее в каждом египетском дворце. На нем особы царской крови появлялись перед народом во время церемоний или производили награждения своих фаворитов. В этих случаях награждаемые стояли на земле под балконом, ловя подарки, сброшенные их царственными благодетелями.

Во дворце было много покоев. Царь Аменхотеп, царица Тиу, Эхнатон, принцессы и «дополнительные жены» – все имели отдельные помещения со своим собственным штатом слуг. У Нефертити и сестры Эхнатона были свои собственные апартаменты.

Во дворце же размещались парадные залы, служебные помещения, имелись склады и двор. Дворец был не только королевской резиденцией, в нем находилось и правительство.

Все комнаты личных покоев дворца были шедеврами по цвету и дизайну.

Потолки и стены были расписаны не фресками, а покрыты темперой, изображающей сцены из реальной жизни, например заросшее папирусом болото, так что комната казалась продолжением внешнего мира. Зеленые стены оживлялись реалистичными сверкающими изображениями парящих птиц.

Другие стены были выложены чудесными темно-синими изразцами с рисунком, нанесенным золотом. Полы, на которых играли дети, были ярко окрашены и разрисованы изображениями животных и птиц, которых древние египтяне очень любили.

Любая мелочь, любой предмет мебелировки дворца носили печать жизни избранных людей своего времени, привыкших к роскоши, комфорту и красоте. Каждый предмет обладал своей особой, индивидуальной красотой, а многие вещи были созданы исключительно для красоты.

Все окна и двери открывались в сады.

Вниз от дворца, спускаясь к западному берегу Нила, располагался парк, построенный Аменхотепом для услаждения царицы Тиу, с искусственным водоемом в шесть тысяч футов

длиной. Его вырыли несколькими годами ранее, и, поскольку дети всегда участвовали в семейных праздниках, Эхнатон и Нефертити конечно же присутствовали при торжественном моменте, когда озеро было закончено и заполнялось водой через канал, соединявший его с Нилом. Это был новый праздник, придуманный царем для того, чтобы доставить удовольствие царице Тиу: сначала большая процессия отправилась к озеру, где, после формальных церемоний, царская семья погрузилась на новую, построенную для царицы, барку под названием «Отблеск Атона», названную так в честь солнца. В то время как барка делала свой первый триумфальный объезд озера, следовавшие за ней по берегу придворные музыканты пели и играли, сопровождая взмахи весел.

Событие было признано настолько важным, что царь повелел изготовить скарабеев, увековечивающих завершение строительства озера, и ввел праздник, который с тех пор праздновался каждый год и мог быть первым из озерных праздников, которые были так популярны в Египте. Он праздновался 4 октября, сопровождался пиром, развлечениями, церемониальной поездкой к озеру и был известен как праздник Солнечного диска.

Для египтян, которые обожали праздники, случавшиеся, как минимум, дважды в месяц, это был просто еще один веселый день, однако уже тогда это могло вызвать ропот среди жрецов Амона.

Название барки царицы Тиу в честь солнечного диска наводит нас на мысль, что именно от нее мог унаследовать Эхнатон свою любовь к Атону, которому посвятил всю свою жизнь. Царица Тиу, следуя традиции цариц восемнадцатой династии, обладавших железной волей, была честной женщиной и открыто проявляла свой интерес к богу солнца. Около дворца она построила небольшой храм, посвященный Атону, куда, скорее всего, брала и двоих детей – восхищенную, с широко раскрытыми глазами Нефертити, следящую за всеми ритуальными движениями царицы, и смотревшего со странной напряженной одухотворенностью Эхнатона. Тем самым царица заложила семена бунта, которые со временем расколют Египет и на века предадут забвению ее единственного сына.

Вот так, а может, и иначе мальчик включился в гибельную борьбу между Амоном, главным богом Фив, который в сочетании с Ра становился Амоном-Ра, солнцем, и Атону, в то время младшим фиванским богом, являвшимся действительным лицом солнца.

Обычных египтян не интересовали теологические тонкости, в которых мог разобраться разве что такой острый ум, как Ай.

Но этот мальчик не был обычным египтянином, хитросплетения египетской веры интересовали его с самого раннего возраста. Он должен был задавать Аю множество странных вопросов. Что касается Аменхотепа, то он никогда не сомневался в своей преданности Атому. Все, что строилось в Фивах, носило его собственное имя, имя Тиу или имя «Амона, его отца». По воле царя скульптуры Амона возводились в тысячах разных мест.

Будучи главным архитектором Аменхотепа III, Ай построил для него царский дворец в Фивах и храм с колоннами в Луксоре, вырезал для царской семьи множество скульптур и барельефов, приказал сделать настенные и погребальные росписи и построил величайший памятник Аменхотепу – прекрасный погребальный храм Ком-эль-Гайтан.

Этот храм был главным достижением Аменхотепа. Он был запланирован как вечный дом, где он и его возлюбленная Тиу будут принимать богов и одновременно смогут защищать живых египтян до скончания времен. Не забыт был ни один предмет из тех, что могли бы обеспечить после смерти комфорт, роскошь и красоту, призванную улаживать закрывшиеся царские глаза, поскольку это была часть магического ритуала смерти. Египтяне верили, что после смерти человек опять обретает молодость и все, что она с собой несет. Поэтому могила царя была его будущим дворцом, который строили не из дерева, как тот, в котором он жил при жизни, а из вечного камня.

Аменхотеп и Тиу были энергичной дружелюбной четой среднего возраста, они наслаждались жизнью. Они знали, что смерть – это лишь временная помеха существующему счастью, однажды доставленные ею неприятности закончатся, душа будет взвешена и жизнь пойдет еще веселее, чем прежде. Поэтому вечный дворец, спроектированный для них Аем, был прекраснейшим местом, которое нравилось всей семье. Мы можем представить себе, сколько поездок было предпринято царской четой, прежде чем для храма было выбрано место – к северу от царского дворца, по направлению к западным холмам, где скрывалась Долина царей.

В Долине царей были похоронены все предки Эхнатона – цари восемнадцатой династии. С незапамятных времен мумифицированные и покрытые драгоценными камнями тела египетских царей поспешно и тайно хоронили в тщательно скрытых в горах гробницах. Но «ка», или вторая личность умершего, могла выходить из гробницы и продолжать посещать погребальные храмы, часто находившиеся в отдалении от места захоронения. Тела прятали, чтобы защитить их от грабителей, уже тогда являвшихся бедствием для Египта. Однако даже такие меры не могли остановить поток ограблений.

Многие цари, как и их могилы, были забыты. Кто может упомянуть все имена! Например, один царь царствовал лишь три дня.

Ряд царских погребальных храмов находился перед Долиной царей. Среди них, напротив холмов, Дейр-эль-Бахри, построенный энергичной царицей Хатшепсут, узурпировавшей все привилегии царя, включая строительство своего собственного величественного погребального храма. Он стоит и по сей день, оставаясь одним из прекраснейших зданий Древнего Египта. Для своего вечного дома Аменхотеп III выбрал место к северо-востоку от дворца и ближе к реке. После того как Ай закончил Ком-эль-Гайтан, сам царь описывал его так: «Величественный храм в западной части Фив, вечная крепость, владение вечности, построенная из песчаника, со всех сторон отделанного золотом».

Огромное здание было украшено с восточным великолепием. Ай не только построил храм, но и роскошно обставил его внутри. Позже, недалеко от этого места, он наскоро оборудовал могилу для мальчика-царя Тутанхатона.

Этот храм не сохранился, однако известно, что огромные двери на бронзовых петлях были из дорогого ливанского кедра, отделанного листовой бронзой, украшенной насечками из серебра и золота: центральным мотивом украшения была фигура Амона. Внутри находились посвященные Амону статуи, стелы и обелиски из золота и серебра, «каждый из которых был инкрустирован драгоценными камнями», чтобы Амон мог вечно наблюдать за счастливой загробной (так же как и за настоящей) жизнью царя Аменхотепа и царицы Тиу.

За исполнением проекта следил Ай, это он спланировал ведущую к прекрасным дверям храма обсаженную деревьями аллею, названную аллеей Шакалов, так как ее сторожили каменные изваяния животных Анубиса, бога мертвых. Аменхотеп, Эхнатон и другие египетские фараоны считали себя превосходящими окружающих по своему значению, поэтому приказывали изображать себя в виде гигантских статуй. Ай приказал вырезать и установить перед храмом две гигантские сидячие статуи Аменхотепа, которые пережили века и которые греки называли колоссами Мемнона (Аменхотепа). До сих пор вызывает удивление, как «божественный мастер» Ай сумел установить эти гигантские статуи на каменные основания. Теперь, как и тогда, колоссы вызывают трепет. Оба они достигают пятнадцати метров в высоту и вырезаны из цельных глыб песчаника, привезенных на санях из Красных гор, находящихся на расстоянии 438 миль. По слухам, одна из них (египтяне воспринимали это как обыкновенное чудо) обладала способностью издавать странные музыкальные звуки, нагреваясь под первыми лучами Атона, солнца. Она известна под названием «поющий Мемнон».

Завершив этот проект, Ай хвастался: «Я приказал вырубить статуи из камня и поднял их. Я построил корабль, перевез его вверх по реке и установил в великом храме, чтобы он существовал вечно, как небо».

Видимо, речь идет об одной из погребальных лодок, построенных для того, чтобы перевозить царей в подземный мир.

Все это происходило еще тогда, когда Эхнатон был мальчиком, а его родители были достаточно молоды, чтобы наслаждаться строительством. Двое детей, казавшихся гномами рядом с возвышающимися колоссами, должны были быть потрясены огромным изображением царя, который для одного был снисходительным отцом, а для другой – образом любящего царя-отца. Гигантские статуи египетских царей казались неправдоподобными лишь по размерам. На самом деле, как показывает изучение мумифицированных оригиналов, это были реальные портреты. Огромная голова Аменхотепа III, находящаяся в Британском музее, считается одним из лучших портретных изображений, сделанных древними египтянами. Эхнатона также изображали в виде колосса, о чем свидетельствуют головы, найденные в Карнаке.

От величественного погребального храма Аменхотепа III не осталось ничего, кроме основания из песчаника, обнаружение которого оказалось одним из величайших триумфов археологии, хотя все, что было построено в честь Аменхотепа, должно было, по его собственным словам, стоять «миллионы и миллионы лет».

В исполнение этого заказа Ай вложил все свое искусство.

Позади возвышающихся колоссов и перед входом в великий храм стояла украшенная драгоценными камнями стела, изображавшая Амона, со словами, которые должны были врезаться в сознание мальчика Эхнатона. Они были написаны его отцом, царем: «Мое величество возвел эти постройки (чтобы они существовали) миллионы лет, и я знаю, они переживут все, что бы ни случилось».

Эти слова царя Аменхотепа часто сравнивают с фрагментом, записанным Шелли, который приписывают царю царей Озимандиасу: «Вы, могущественные, смотрите на мои творения и отчаивайтесь!»

Кроме этого фрагмента ничего не сохранилось.

Ничего не осталось и от «вечного» храма, построенного Аем для царя Аменхотепа, кроме двух разбитых фигур колоссов в пустынном поле, дани славе великого царя и гению Ая.

Теперь таинственный Ай уже прошел большую часть своего пути к возвышению. Он стал самым могущественным человеком в Египте после царя. Он был царским писцом, жрецом, придворным, послом, хранителем царских архивов, командиром царских армий и главным архитектором.

Ай совмещал в себе множество личностей, он считался умнейшим человеком в Египте. Люди верили, что он, как пророк, может предсказывать грядущие события, что, скорее всего, было следствием его аналитического ума, знания людей и политики.

Но у него была и еще одна наиважнейшая обязанность – он был наставником Эхнатона.

Царь Аменхотеп и царица Тиу оказали доверие этому выдающемуся человеку, отдав ему на попечение своего сына. Вдумчивый мальчик являл собой будущее Египта, и это будущее, вместе с психическим и моральным развитием юноши, было передано Аю.

Аю доверено было воспитание наследника, а также подготовка Нефертити к ее великой судьбе.

Он был главным человеком в жизни двоих детей, они всегда находились при Ае, таинственном, безжалостном и неутомимо охраняющем их и свои собственные права.

Итак, в течение этих столь важных юных лет будущего царя он был советником и поверенным, учителем и той силой, которая исподволь управляла Египтом.

Вскоре мальчик и девочка достигли зрелости. В жарком климате Египта дети созревают быстро. Эхнатону и Нефертити необходимо было много учиться, чтобы вскоре они смогли исполнить свое великое предназначение. Фивы были городом тысячи наслаждений, но жизнь правителей состоит не из одних удовольствий. В качестве наследников им предстояло взять на себя огромную ответственность – как в браке, так и на троне.

Птичьи глаза бога Тота внимательно следили за всем происходящим в классной комнате дворца (позже такая комната будет и в Амарне), где мальчик-принц сидел склонившись над папирусами и табличками, а Ай, отрывая время от своих многочисленных обязанностей, возвращался к своей первоначальной роли писца и учил Эхнатона читать и писать, как и самого его учили, когда он был мальчиком.

Не исключено, что во время этих уроков рядом с мальчиком-принцем сидела маленькая и серьезная Нефертити, сжимая в руках свою собственную табличку для письма. Девочки из царских семей часто учили читать и писать, как позже в Амарне учили собственных дочерей Нефертити. Ее обучением занимался либо сам Ай, либо оно осуществлялось под его руководством. Это лишь предположение, однако вполне вероятно, что, подготавливая ее к будущей высокой роли, ей дали соответствующее образование.

Она была очаровательным, похожим на цветок ребенком, а честолюбие, с одобрения царя и царицы, было заложено в нее Аем. Пока же она была уступчивой и любящей, настоящее счастливое дитя. Лишь в далеком будущем обрушившиеся на ее голову несчастья выявят железный стержень внутри этой маленькой нежной девочки. Ай это предвидел. Он был ее учителем, советчиком и руководителем, он был человеком, который умел предугадывать будущее. Он знал, что путь Нефертити к власти лежит через стройного, как тростник, мальчика, который (в Египте женятся рано) уже избрал ее, чтобы разделить с нею свою жизнь и свой трон.

Жесткая и неумолимая власть Ая не позволяла Нефертити отлынивать от уроков. Не менее бдительно наблюдала за ней и жена Ая, чьей особой обязанностью было следить за воспитанием девочки. И хотя ее и называли главной царской няней, в действительности она была приставлена гувернанткой к Нефертити.

А еще был фиванский двор, который все знал, за всем наблюдал и изучал Нефертити. Ей предусмотрительно льстили, перед ней лебезили. Покровители должны были быть довольны, она продолжала расцветать, оставаясь столь же обаятельной и прекрасной. Но никто не следил за ней так пристально, как Ай. Она была частью его планов, а планы его были безграничны. Он знал, что этот заласканный прелестный ребенок является его пропуском к власти. За удобной позицией учителя Нефертити скрывались иные, более личные надежды на девочку, память о которых исчезнет на долгие века, но будет восстановлена благодаря свидетельствам, оставшимся на стенах гробниц.

Вряд ли Нефертити проводила в классе больше времени, чем это было необходимо для освоения начал письма и чтения. У нее были более важные занятия. Ускользнув от строгого наблюдения Ая и няни Тиу, ходившей за ней по пятам, она с удовольствием пробиралась в надушенные и роскошные покои царицы Тиу, где ее личный управляющий, личный писец (секретарь), рабы и сотни личных горничных суеились в веселом беспорядке, подготавливая властную и непостоянную Тиу к церемониальному (или частному) появлению на публике рука об руку с царем. Широко раскрытыми наивными глазами Нефертити впитывала подробности продолжительных ритуалов купания и одевания, всегда происходивших в присутствии публики и заканчивавшихся захватывающим дух зрелищем – водружением на обриту голову царицы короны с эмблемами двух Египтов. Весь ритуал проходил под звуки

песен, музыки и веселой болтовни. Так, слушая дворцовые и будуарные сплетни, смышленная одиннадцатилетняя девочка узнавала значительно больше того, что должна была узнавать молодая царица в классе, под руководством Ая.

В отличие от нее Эхнатон с наслаждением пил из сосуда мудрости, каковым являлся Ай, мудрейший человек в Египте.

Принц из всех сил стремился к знаниям. Ай был для него идеальным учителем. Пройдут века, и молодые писцы, готовясь к экзамену, будут обращаться к духу Ая, этого величайшего из писцов, умоляя его о помощи и в качестве подношения ставя стаканчик вина. Но первым его почитателем был Эхнатон, самый прославленный его ученик, ибо именно от Ая он узнал то многое, что позволило ему стать тем, чем он стал.

Честный, терпеливый, религиозный и нравственный, Ай был главным учителем Эхнатона. Конечно, во многом мальчик следовал примеру отца и мудрым советам матери. Однако большей части того, что повлияло на будущее Египта и самого Эхнатона, его научил Ай.

Несомненно, сидя темной египетской ночью на покрытом подушками балконе дворца, Ай рассказывал ему об астрономии и указывал на изменение положения звезд, считавшихся факелами, которые боги зажигают на ночь.

Именно от Ая, а также от родителей Эхнатон унаследовал страсть к архитектуре, которую он смог удовлетворить, став царем. Мальчика завораживали величественные здания, строившиеся в Фивах. Ай прививал и поддерживал в нем любовь к строительству, которая привела к таким неожиданным и далеко идущим последствиям.

Обладая неистощимым запасом знаний, Ай привил юному будущему царю множество различных интересов. Его увлекали искусство, архитектура, поэзия, природа, движение солнца и таинства богов. Именно в тот последний период изучения религии в Эхнатоне проснулись силы, до основания потрясшие весь Египет. Как царь Эхнатон обязан был стать религиозным лидером Египта, поклонявшегося Амону. Ему предстояло руководить религиозными церемониями в великом храме Амона в Карнаке. Как жрец Амона, Ай должен был посвятить юного принца в его будущие духовные обязанности. Это было важной частью образования, предназначенного вести Эхнатона не только по жизни, но и в загробном мире. Ему следовало выучить множество церемоний, песнопений, заклинаний и ритуалов, каждый из которых имел свое назначение, свой священный внутренний смысл.

Итак, Ай учил мальчика следовать запутанной религиозной модели поклонения Амону в том виде, как ее проповедовали поколения амонских жрецов.

Можно себе представить, как с каменным лицом, сжав челюсти и скрестив ноги, Ай сидит напротив Эхнатона, чья власть над ним поистине безгранична, убеждает мальчика в его неистощимой мудрости и в ответ выслушивает его длинные и медленные мысли.

С самого начала мудрец Ай должен был понимать, что Эхнатон не был похож на других детей. Мысли этого мальчика с удлинённой челюстью, этого серьезного юноши были не похожи на мысли других египетских школьников. Иным его делало не только царское происхождение, но и духовная самонадеянность – разногласие между сердцем и умом.

Эхнатон был мыслителем (он постоянно задавал вопросы и сомневался), мечтателем и поэтом. Свои стихи он читал Аю, который их записывал и сохранял для потомства. Худой серьезный подросток без конца забрасывал Ая провокационными вопросами. Он не мог принять ни одной догмы из тех, что не задумываясь принимали остальные египтяне, и разработал против них оружие, новое для царской власти. Это была логика.

А мудрый Ай слушал его и побуждал искать свои собственные ответы. Глядя на вытянутые, задумчивые недетские черты, глубокие, вопрошающие глаза фанатика, Ай должен был осознавать странность своего подопечного и с уважением относиться к его уникальности. Он должен был разглядеть в мальчике почти маниакальную страсть к величию, которая выделит его из поколений предков – предков, бывших самыми выдающимися правителями

из всех египетских царей. Слушая, отвечая и советуя, Ай завоевал доверие юного Эхнатона и стал ему необходим, как был необходим его родителям, царю Аменхотепу и царице Тиу. Но у него был и еще один, более личный и мощный рычаг влияния на царскую семью – девочка Нефертити.

Теперь, когда мы глубже разобрались в вопросе, кем был Ай, нам легче будет понять, кем же была Нефертити. Многие историки даже считают, что Ай был ее отцом.

Мы знаем об Ае больше, чем о большинстве людей его времени. Он удостоился почестей, равных царским, – у него было целых две гробницы. Первую начали строить в Амарне, она не была закончена, вторая была в Фивах, она была закончена и обставлена еще при жизни Ая. Обе содержали много информации о самом Ае и о его сильном влиянии на Эхнатона и Нефертити.

Гробницы являются подтверждением той огромной власти, которой он обладал в Египте.

Список титулов, заслуг и благодеяний Ай начинается с утверждения, что он был «отцом царя» (тестем?). В другом переводе то же место звучит как признание себя отцом Нефертити и ее маленькой сестры Неземмут. Еще одни источники утверждают, что он является родственником царицы Тиу, возможно братом или даже кузеном Эхнатона.

Однако по официальной версии Ай является сыном простого человека Хапу, что развивает теорию, будто он имел кровную связь с семьей Эхнатона. В своем утверждении, что он был «отцом царя», Ай может подчеркивать уважительное отношение к себе Эхнатона как к своему тестю. И конечно же Ай оказывал настолько сильное влияние на Эхнатона, что легко мог написать о своем с ним родстве.

Первым из ведущих археологов, принявших версию о Нефертити как о дочери Ая, был профессор Борхардт, нашедший ее бюст. Он считал, что Нефертити вышла из «египетской семьи среднего класса», а ее отец Ай был «таинственным человеком, обладавшим огромной властью».

Но существуют и другие теории. Одна, возвращаясь к митаннским принцессам, предполагала, что отцом был Ай, а матерью – одна из нежных заложниц, присланных ее царственным отцом отцу Эхнатона. Другая гласила о том, что, будучи послом и находясь в длительном путешествии в Месопотамии, Ай наткнулся на митаннскую девочку, в которой увидел большие способности, и сделал Нефертити великой царицей.

Но все это лишь догадки. Определенно можно сказать лишь одно – именно Ай был той силой, которая возвела Нефертити на египетский трон. Мы уверены, что ребенком он поселил ее во дворец, где она росла под личным наблюдением его жены Тиу – «великой няни», что он активно и настойчиво развивал ее внутренние, врожденные таланты и проложил ей путь к трону.

Гробницы свидетельствуют, что Ай и его жена были удостоены исключительного почтения и любви, как «пожизненные фавориты» Эхнатона и Нефертити.

О Тиу-няне мы знаем значительно меньше. С ее портретов на нас смотрит лицо милой, сердечной женщины, на котором нет признаков стремления к власти, так характерных для ее мужа. Ее заслуги перечислены рядом с заслугами Ая, и, хотя их не так много, они характеризуют Тиу как служанку очень высокого ранга. По поводу ее заслуг мы читаем: «Хозяйка дома (жена Ая), великая няня, няня великой царицы (Нефертити), наставница богини (Нефертити), фаворитка Нефертити, великая фаворитка Эхнатона». Она также была удостоена забавной чести быть «служанкой» или «младшей женой» Эхнатона. В других местах она упоминается в качестве его и Нефертити няни. Она не заявляет, что она мать Нефертити.

Теоретически считается, что Нефертити и Эхнатон воспитывались вместе с младенчества и их кормила одна и та же кормилица, что Ай занимался мальчиком, а Тиу была няней

девочки. Мы знаем, что Ай постоянно держал этих детей под контролем и готовил их к великой судьбе.

Через века после окончания правления восемнадцатой династии мудрые и остроумные замечания Ая все еще цитировались в Египте. Около 140 года до н. э., приблизительно через тысячу лет после его смерти, Ай, в качестве бога врачевания, был причислен к сонму богов, как до него был причислен его кумир Имхотеп. В честь него возвели храм в Дейр-эль-Медина, и к этой магической святыне приходили больные со всего Египта. Честолюбивые молодые писцы молили его об удаче, как когда-то он сам молился Имхотепу, ставя перед его изображением стаканчик вина.

Лишь благодаря записям Ая сохранилось так много информации о жизни Нефертити. Он поднял ее из тьмы веков. Он подготовил ее к той роли, которую ей предстояло играть, и она его слушалась: разве не был он самым мудрым из людей? Судьба наградила Нефертити наставником, чьи амбиции в отношении нее были столь же велики, как та роль, которую ей предстояло сыграть в истории.

В 1372 году до н. э. планы Ая исполнились: двенадцатилетний Эхнатон занял свое место на золотом троне под именем Аменхотепа IV, царя Египта.

Глава 5

ДЕВОЧКА НА ТРОНЕ

Во дворце, 1369 год до н. э.

Эхнатон стал соправителем своего отца в 1372 году до н. э. Следующие четыре года были особенно важными для двоих детей. Эхнатон готовился к принятию абсолютной власти, Нефертити готовилась разделить с ним эту власть.

В течение этих лет они значительно повзрослели.

Подозревают, что царь Аменхотеп III все больше терял интерес к окружающей его жизни и что некоторое время страной правила царица Тиу вместе с выполнявшим обязанности соправителя сыном, при сильной поддержке Ая, который был главным советником Эхнатона.

Можно себе представить, как тщательно в это время занимались воспитанием Нефертити. Под неусыпным придирчивым руководством Ая в ней продолжали развивать индивидуальность и очарование. Примером ей служила царица Тиу, а Тиу-няня руководила ее поступками. На нее смотрел весь Египет, она была окружена пронизательными взглядами, наблюдавшими за каждым движением той, которую мальчик-царь выбрал себе в жены. Со своего высокого трона за ее развитием наблюдал Эхнатон, восхищаясь до глубины своей странной, скрытной и страстной души.

Ее готовили к будущему, требовавшему от царицы совершенства как в спальне, так и при публичных появлениях, где она будет находиться в центре внимания тысяч и тысяч людей. Как жена, хозяйка, жрица и регент она должна была обладать красотой и очарованием.

Но все же главным требованием была красота, и красота Нефертити росла по мере осознания ею своей женственности. Конечно, существовали и другие требования, например знание религии и политики (в Египте они составляли одно целое), но все они служили одной цели – сделать ее достойной супругой первого монарха мира. Ей нечего было бояться, главные свои достоинства, лицо и фигуру, пленившие Эхнатона, она получила при рождении, так что ему не нужны были другие женщины.

Нефертити мудро выбрала свое окружение и свое время. Это было чудесно – быть женщиной во времена восемнадцатой династии, когда даже девочка простого происхождения, как в случае Тиу и Нефертити, могла стать царицей. А царица, если она к этому стремилась, могла стать абсолютным монархом, как, например, царица Хатшепсут, правившая несколькими поколениями ранее.

Нефертити повезло и в другом отношении – она жила во время правления такой замечательной царицы, как Тиу, рано попала под ее покровительство и стала женой ее единственного сына. Пусть Ай похвастается своими способностями и умением организовать нужный брак, но волевая царица Тиу должна была одобрить его выбор.

Теперь семья Эхнатона была не только первой семьей мира, но и семьей, все члены которой были исключительно преданы друг другу. Этой чертой обладал Аменхотеп и передал ее своему сыну Эхнатону.

Оба с первых своих дней были окружены любовью, доступной лишь восточному властелину. Прекраснейшие принцессы мира считали за честь усладить их жизнь. Каждый фараон, каждый богатый мужчина имел свой гарем.

По счастливому стечению обстоятельств, Египет был страной множества наслаждений. И большую их часть доставляли женщины, очаровывая, заколдовывая и расслабляя мужчин. В банкетных залах знатных и богатых людей женщины пели, танцевали и играли на

музыкальных инструментах. Во дворцах были собственные оркестры и собственные труппы для театральных представлений. И все они состояли из женщин.

Женщины танцевали перед окуренными фимиамом алтарями храмов.

Однако все остальные работы во дворцах и просто больших домах на кухнях, складах и в винных погребах, архивах и даже в ткацких мастерских выполнялись в основном мужчинами.

В обязанности Нефертити входило не просто быть красивой, она должна была быть самой прекрасной женщиной в мире. Лишь прекраснейшая из женщин могла надеяться удерживать такого царя, как Эхнатон.

Под умелым руководством своих благодетелей маленькая девочка из Фиванского дворца превращалась в источник красоты и вечного удовольствия.

Ее день начинался тогда, когда Атон, многорукое лицо солнца, показывался над восточными холмами, а его наполненные теплом руки протягивались над озябшими ночными Фивами, над рекой, касались сверкающими лучами колоссов Мемнона, извлекая из них странную музыку.

В это же время из стоящего на холме храма в Карнаке для ритуального очистительного купания в искусственном водоеме перед храмом выходили жрецы со слипающимися глазами, отяжелевшие от обильных возлияний предыдущей ночи. Когда вода в Ниле стояла низко, к водоему приходилось спускаться по ступенькам. Среди жрецов Амона особое значение придавалось физической чистоте. В течение суток жрецы купались четыре раза. Они брили головы, выщипывали бороды и все подвергались обряду обрезания. Они носили парики, а в некоторых случаях – и маски. Одежда шилась исключительно из льна, шерсть и кожа были строжайше запрещены, как материалы животного происхождения, хотя и позволялось носить накидки из леопардовой шкуры.

В своих белых одеяниях, украшенных опоясываниями – их знаками отличия как жрецов Амона, – они возвращались в огромный зал храма и собирались группами между колонн, чтобы приветствовать солнечный свет на алтаре священного огня. В этом темном, напоминающем пещеру зале сквозь поднимающиеся клубы благовоний сияла золотая статуя Амона. Жрецы были его слугами, они ухаживали за богом. По утрам они исполняли гимны, вновь и вновь воспевая величие Амона, громко били в священные гонги и подливали в огонь мирру. «Гори, сверкай, как Ра на горизонте!»

Под звуки гонгов просыпался ото сна город. Из переполненных бедных районов выходили рабочие, на ходу проглатывая куски пресного хлеба, замоченные в ячменном пиве. Собираясь в шумные толпы, они пробирались по узким улицам и рассыпались для выполнения своих повседневных обязанностей в городе и в полях. Рабочие часы были регламентированы в соответствии с древними правилами: мужчины выходили на работу с восходом солнца и заканчивали ее, когда оно садилось. Время в Фивах устанавливалось тем самым не слишком популярным богом Атоном, который олицетворял лицо солнца.

Вскоре древние узкие улицы наполнялись людьми, беспорядком и гамом. Проходили нагруженные караваны верблюдов, к дворцу двигались ослики, тянувшие повозки или сани, мчались колесницы, запряженные горячими лошадьми, от которых кидались враспынную пешеходы (лишь замешкайся, и жизнь окажется под угрозой). А в Фивах раскатывали тысячи колесниц.

Огромные площади заполнялись торговцами, магазины открывали свои двери, товары на подносах и в корзинах выставлялись на улицу, повсюду слышались резкие, высокие восточные голоса: происходило заключение торговых сделок, составляющих плоть и кровь торговли. По всем Фивам, ночью и днем, слышалось пронзительное пение уличных музыкантов. Под ногами сновали дети, прогуливались преисполненные достоинства кошки,

сотни голодных собак копались в отбросах, но к ним относились с уважением – ведь они были представителями бога Анубиса.

Для иностранцев, впервые посещавших город, самым удивительным было присутствие на улицах женщин. Нигде в мире женщины не обладали такой свободой, как в Фивах. Их можно было видеть повсюду. В белых одинарных, похожих на простыни, одеяниях, которые носили в Египте все, и головных уборах, складками собранных над бровями, они шли по своим хозяйственным делам, заходили в магазины и на рынки, несли сами или за ними несли слуги огромные корзины и кувшины. Они торговались с владельцами лавок, пробовали фрукты и вели себя так же свободно, как мужчины. Тем не менее они были удивительно женственными, это были матери и жены. Голоса их были нежны, и держались они с редким достоинством.

Приезжающие, особенно из Азии, не переставали этому удивляться. В других странах женщины вели жизнь затворниц и могли разговаривать лишь с теми мужчинами, которые являлись членами их семей. Уважаемые египетские женщины никогда не стеснялись появления на публике, не важно – с мужчинами или без. Даже через века Геродот был потрясен тем, что египетские женщины ходили без сопровождающих.

В огромном дворце на берегу Нила, под звуки музыки, среди запаха цветов и духов, просыпалась Нефертити.

В своих роскошных дворцовых покоях просыпались члены царской семьи, чтобы прожить еще один день, посвященный удовольствиям, но это было только поверхностное суждение. Под покровом роскошного и неторопливого существования скрывались жестко регламентированные нормы поведения, которые, несмотря на обладание властью, повелители должны были строго соблюдать. В этот момент царь Аменхотеп, окруженный свитой, скорее всего, обдумывал планы на день и выбирал самую подходящую из своих корон.

Что касается Нефертити, то она открывала глаза на постели, вырезанной, расписанной и позолоченной одним из величайших фиванских художников, на подушках и матрацах, набитых мягчайшей овечьей шерстью, главным образом использовавшейся для постельных принадлежностей. (Ни один египтянин в таком климате не носил одежды из шерсти, шерстяные накидки приберегались для холодных ночей, которые приходилось проводить в пустыне.) Простыни были сделаны из мягчайшего, шелковистого, тканного вручную льна. А ее позже столь прославляемая щека покоилась на крестообразной подставке для головы, изготовленной из дерева или окрашенного стекла, – наподобие тех, что до сих пор используют в Японии. С ней рядом всегда находилось улыбающееся лицо няни Тиу, которая задумала пламя в ярком алебастровом ночнике, горевшем всю ночь благодаря скрученному хлопчатобумажному фитилю, опущенному в масло.

Все, на что бы ни упал взгляд Нефертити, могло бы стать ценнейшими экспонатами современных музеев.

Как и все другие покои дворца, ее комната была большой, изумительно обставленной, охлаждавшейся благодаря вентиляционным системам, в изготовлении которых египтяне были большие мастера.

Как и во всех египетских домах, в комнатах, залах и остальных помещениях стоял густой запах духов.

Богатые ковры свисали с расписанных стен и лежали на полах вперемежку с искусно сплетенными циновками. Другие висели на окнах, чтобы оградить обитателей от жары или песка в те дни, когда ветер дул из пустыни. В помещениях было множество больших и маленьких столов, очаровательных маленьких табуреток, подставок под ноги и стульев, не менее внушительных, чем троны, на бычьих ногах или львиных лапах, позолоченных, расписанных, с богатой инкрустацией. Стояла мебель из драгоценного ливанского кедра и эбонита, с отделкой из слоновой кости поверх листового золота или просто покрытая золотом,

изготовленная лучшими мастерами без использования гвоздей и украшенная так, как через века ее будут украшать во дворцах Европы. Были там и резные шкатулки, вырезанные из эбонита и слоновой кости, и огромные, украшенные орнаментом сундуки, использовавшиеся для хранения вещей.

Все поверхности блестели и были уставлены большими прекрасными лампами и вазами с цветами, а в сделанных из стекла чашах плавали яркие живые рыбы. Всюду были разбросаны мелкие изысканные украшения, которые египтяне хранили как память (их дарили в качестве сувениров), – мелкие статуэтки богов и священных животных из дерева, фаянса, глины, гипса, серебра или золота. Тут же стояли кубки и мелкие бутылочки, вазы и бутылки, кувшины и чаши всевозможных размеров и видов из меди, серебра, золота, фаянса, гипса. Некоторые из них были инкрустированы драгоценными камнями.

Многие украшения являлись подарками Эхнатона. Каждый египтянин одаривал всем, чем только мог, девушку, на которой собирался жениться.

Так же был убран весь дворец, но еще более прекрасными были покои царя, царицы и царского наследника, в которых мальчик Эхнатон также совершал утренний туалет: купался и готовился к появлению перед большой, но благодарной аудиторией.

Но даже если комнаты Нефертити пока еще были не самыми красивыми во дворце, они были достаточно прекрасными, чтобы служить приманкой для сотен льстецов, которые наполняли ее комнату, как только становилось известно, что маленькая будущая царица проснулась. Придворные, когда-то по утрам заполнявшие комнаты царицы Тиу, поспешили признать потенциальную власть девочки. Однако, похоже, царица Тиу не возражала против опустения, она была великодушной женщиной. Она считала Нефертити своей дочерью, к тому же в тот момент она была занята уходом за слабеющим царем Аменхотепом.

Итак, теперь выросла свита Нефертити. Штат ее собственных слуг был огромен, и это без учета придворных дам. Мы не знаем, сколько их было ни тогда, ни даже после того, как она стала царицей. Однако известно, что одна из младших жен Аменхотепа имела в своей свите более трехсот женщин.

Любая персона царской крови, будь это хоть молодая девушка, имела своего собственного управляющего, следившего за ее хозяйством, личного писца, чтобы записывать сообщения и письма, которые она могла продиктовать, свою гувернантку или няню и сотни других слуг, служанок и рабов. Члены свиты и утренние посетители Нефертити, придворные и их жены постоянно распускали слухи и собирали дворцовые сплетни.

Все они куда-то неслись, болтали, стараясь перекричать друг друга, громко играли музыканты, а няня Тиу пыталась поддерживать видимость порядка и надзора за приготовлением своей подопечной.

Шум еще больше усиливался от пения птиц в клетках, лая возбужденных собак и заунывных голосов множества кошек, которые составляли домашний кружок Нефертити. Каждое животное имело собственное имя и характер, но обычно наибольшим уважением пользовались Миу (кошки).

Теперь убранные, но не выброшенные, поскольку египтяне хранили свои игрушки как воспоминания о детстве, сохранялись и игрушки Нефертити: куклы, марионетки и игры, но их место уже заняли сотни прекрасных драгоценностей.

Многие безделушки были связаны с ее собственной внешностью, поскольку с детства ее обучали ритуалам, позволявшим сделать красивую женщину еще красивее. Царица Тиу должна была поделиться с девочкой своим искусством, а Тиу-няня помогала закреплять эти умения, которые были частью наследства любой египетской женщины.

Прошли века, но секреты красоты древних египтянок используются и по сей день. Оттенение бровей и век, нежное касание румян, употребление притираний и духов – все это были методы, применявшиеся как мужчинами, так и женщинами, и при этом мужчины вовсе

не теряли своей мужественности! Должно быть, первые коробочки для ухода за собой были даны Нефертити еще в раннем детстве.

Туалет любой великой дамы был трудоемкой церемонией. Туалет Нефертити требовал сосредоточенного внимания многих помощниц. Каждая обладала специальными знаниями, материалами или принадлежностями и высоким титулом, указывающим на ее обязанности. Итак, там были дама, наблюдающая за ванной, первая дама карандаша для глаз, сопроводительница декоративных ложек для мази с длинными ручками, хранительница мирры, страж ювелирных украшений, ответственная за кувшины с маслами. Пинцеты, расчески, ножницы, палочки для наложения краски на веки, горшочек с румянами и карандаш для глаз, краска для глаз, жидкость для ее смывания, депиляторы, бритвы для бритья головы, булавки, иголки (существовал специальный вид игл с двумя ушками, так что одновременно можно было использовать нитки двух цветов), заколки для волос из бронзы и слоновой кости и множество зеркал из отполированного серебра, золота или бронзы с ручками в форме животных, людей или богов – все имело своих хранителей.

Туалетные принадлежности времен жизни Нефертити являются гордостью современных музеев. Наборы расписных керамических горшочков разных размеров, глиняные баночки, кувшины, флаконы и пузырьки содержали дорогие мази и духи, губную помаду, красящие кремы для век (голубой и зеленый, ими пользовались и мужчины, и женщины), сделанные из растертого в порошок малахита или ляпис-лазури, краска для век, чтобы добавить таинственной черноты бровям и глазам. Палочки и ложечки для нанесения всей этой косметики сами являли собой мелкие предметы искусства, ими были и большие расписные керамические кувшины, содержащие душистые масла.

Судя по картинам, изображавшим подобные церемонии, Нефертити завтракала хлебом и фруктами, возможно, с бокалом некрепкого гранатового вина, одновременно поддерживая или комментируя болтовню и терпеливо выдерживая все необходимые процедуры для того, чтобы ее свежая и юная красота была готова предстать перед публикой.

Сначала самое важное – ванна. Даже беднейшие египтяне ежедневно мылись, если необходимо – в Ниле, после чего обильно умащивали тела всеми доступными маслами, которые использовали во множестве.

Во всех зажиточных и даже скромных домах были ваннные комнаты и отдельные уборные с деревянными или кирпичными сиденьями над сменными глиняными горшками. Местом купания обычно служила каменная плита, выдолбленная так, чтобы в нее помещалось тело купальщика. Рабы наполняли ее водой из больших кувшинов, и она стекала в большой сменный резервуар через отверстие в полу.

Многие любящие комфорт египтяне имели подобные «плиты для омовения» даже в столовых.

В ванной комнате Нефертити должна была стоять рака для омовения. Сама ванна, скорее всего, была сделана из гипса. Кувшины для ее наполнения были больше обычных и богаче украшены, а сосуды для масел и притираний являлись настоящими предметами искусства, изготовленными лучшими художниками.

Духи, мази и масла втирали в обнаженное, похожее на детское тело. Его обильно умащивали маслами, выжатыми из роз, лилий, лотосов и других цветов. Духи использовали и мужчины, и женщины. Вообще египтяне обильно использовали парфюмерию. Их тела и дома были насыщены запахами, и даже на улицах Фив, среди мириадов других, менее желательных запахов, повсюду ощущался проникающий цитрусовый запах мирры. Мирра, по-другому – ладан, была любимым запахом для воскуриваний и сырьем для духов. Некоторые духи изготавливались по старинным методам, и их приготовление занимало не один месяц.

Нефертити шествовала по жизни в окружении дорогих запахов. Учитывая скудность одежды (она проскальзывала в одинарное одеяние), процесс одевания Нефертити занимал

необычайно много времени. Веками общепринятым костюмом египтян, мужчин и женщин, была простейшая юбка. Она состояла из куска льна, обернутого вокруг тела от талии до колен и закрепленного свободным концом на талии.

Однако восемнадцатая династия была богаче и искушеннее своих предшественников, поэтому вместе со многим другим она изменила и стиль одежды. Теперь в юбках изображались лишь боги. Некоторые мужчины и женщины еще продолжали их по случаю надевать, однако большинство склонялось к длинным, белым или окрашенным, с ярким рисунком или полосатым свободным одеяниям.

Гардероб становился все сложнее. У Нефертити было множество смен одежды.

Похоже, ее любимой одеждой было новое популярное, облегающее фигуру платье. Это была труба из легкого льна, державшаяся на одной лямке, перекинутой через плечо. Ей также нравились модные наряды с длинной юбкой из льна такого тонкого переплетения, что он был прозрачен, как вуаль. Такое одеяние завязывалось под грудью, облегало и сияло, открывая все линии тела. Юбки могли иметь складки или украшались драпировками. Поскольку появление в обнаженном или почти обнаженном виде было обычным явлением, то полупрозрачное платье было единственной одеждой, которую она носила. Она могла и вообще не носить платья. Нагота продолжала оставаться естественным состоянием, даже для взрослых египтян, в стране, над которой Атон практически ежедневно протягивал свои горящие руки.

И все же, учитывая ее высокое положение, мы можем предположить, что во время публичных появлений Нефертити выходила одетой.

Ее одежду доставали из резных, расписанных сундуков, стоявших вдоль стен. В отдельно расположенной гардеробной стояли деревянные скамьи, под которыми также можно было хранить одежду, а над ними возвышались коробки, банки, небольшие сундучки и плетеные корзины, в которых лежала большая часть ее личных вещей.

Но вот процесс одевания закончен. После него начиналась более сложная часть утреннего ритуала Нефертити – наложение грима.

В этот момент, при подготовке к утреннему «публичному появлению» рядом с двумя своими царями, могла заглянуть царица Тиу. Жизнерадостная и энергичная, она тренированным глазом окидывала результаты трудов, могла обменяться замечаниями с Тиу-няней и по-житейски ободрить девушку, которую выбрал ее сын.

За наложением утреннего грима Нефертити следили так пристально, как будто бы это был шедевр, создаваемый на века. И горе той даме, рука которой могла дрогнуть! Не дыша, женщины смотрели, как над ресницами и бровями проводятся темные линии, как полные соблазнительные губы покрываются помадой, причесываются волосы, впитывающие тяжелый запах мирры, а тело и платье спрыскиваются духами.

Скорее всего, до замужества Нефертити носила прядь волос на лбу, и мы можем представить, как няня Тиу с ревнивой заботой следила за тем, чтобы декоративный гребень как следует удерживал водопад черных, отливающих серебром волос. Однако к этому времени у нее уже был набор париков, как и у всех благородных египетских дам и господ. У них было множество париков на все случаи жизни, а собственные головы они для прохлады брили. Волосы париков были подстрижены «под пажа», на лоб ниспадала челка.

Еще один сундук был отведен под сандалии. Во времена восемнадцатой династии сандалии носили поголовно все. Они изготавливались умелыми ремесленниками и были так удобны и элегантны, что фасон их сохранился до наших дней, вы и сейчас найдете их в модных магазинах. Они изготавливались из кожи, ткани, металла и даже из переплетенных и окрашенных волокон папируса. Иные были покрыты тонкими листами золота или серебра, другие искусно украшены бусинами, как мокасины американских индейцев. Некоторые завязывались ремешками вокруг лодыжек, остальные удерживались ремешками, проходившими между пальцами ног. При желании Нефертити могла ходить и босиком. Муж-

чины и женщины могли носить богато украшенные драгоценными камнями парики и в то же время ходить босиком.

И наконец, открывался ящик с ювелирными украшениями.

Никогда до XIV века до н. э. в Египте не было таких изысканных украшений. Они могли быть тяжелыми, с крупными драгоценными камнями или, наоборот, хрупкими и невесомыми, как снежинки. Некоторые из украшений Нефертити в настоящее время находятся в музеях, а их копии продают в магазинах. Самым популярным и любимым из них было напоминающее глубокий воротник ожерелье в виде лепестков, изготовленное из драгоценных камней.

У Нефертити были проколоты уши. (Они были проколоты и у Эхнатона; и мужчины и женщины этой династии любили носить серьги, бывшие обычной частью туалета.) Нефертити была одной из первых в мире женщин, которая начала носила серьги. Их делали в форме больших петель, подвесок, бутонов или гвоздиков, изготовленных из цельного камня. Почти все они были сделаны из золота, почти все украшены драгоценными камнями. Вообще существовало огромное количество украшений: браслеты, амулеты, серьги, ожерелья; многие были настолько огромны, что буквально лежали на плечах. На украшениях часто было выгравировано имя владельца, а также имя или образ посвященного богу животного. Например, Ай, скорее всего, носил кольцо с печатью в виде выгравированного изображения болотной птицы, ибиса, священного образа своего покровителя бога Тота. Кольца с печатками впервые появились именно в этой династии, и некоторые цари и царицы использовали их в качестве печатей, что помогло археологам восстановить многие имена и даты. Первоначально печати имели цилиндрический вид.

И вот Нефертити почти готова. Еще немного шума – и делаются последние штрихи: на голове и под грудью завязываются яркие ленты, прыскается еще немного духов, а на талию, шею и широкую прозрачную юбку прикалываются свежие, нежно пахнущие цветы. Эра Нефертити – это эра фривольности и кокетства, и ни одна девушка не была снаряжена лучше для того, чтобы прожить ее в полной мере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.